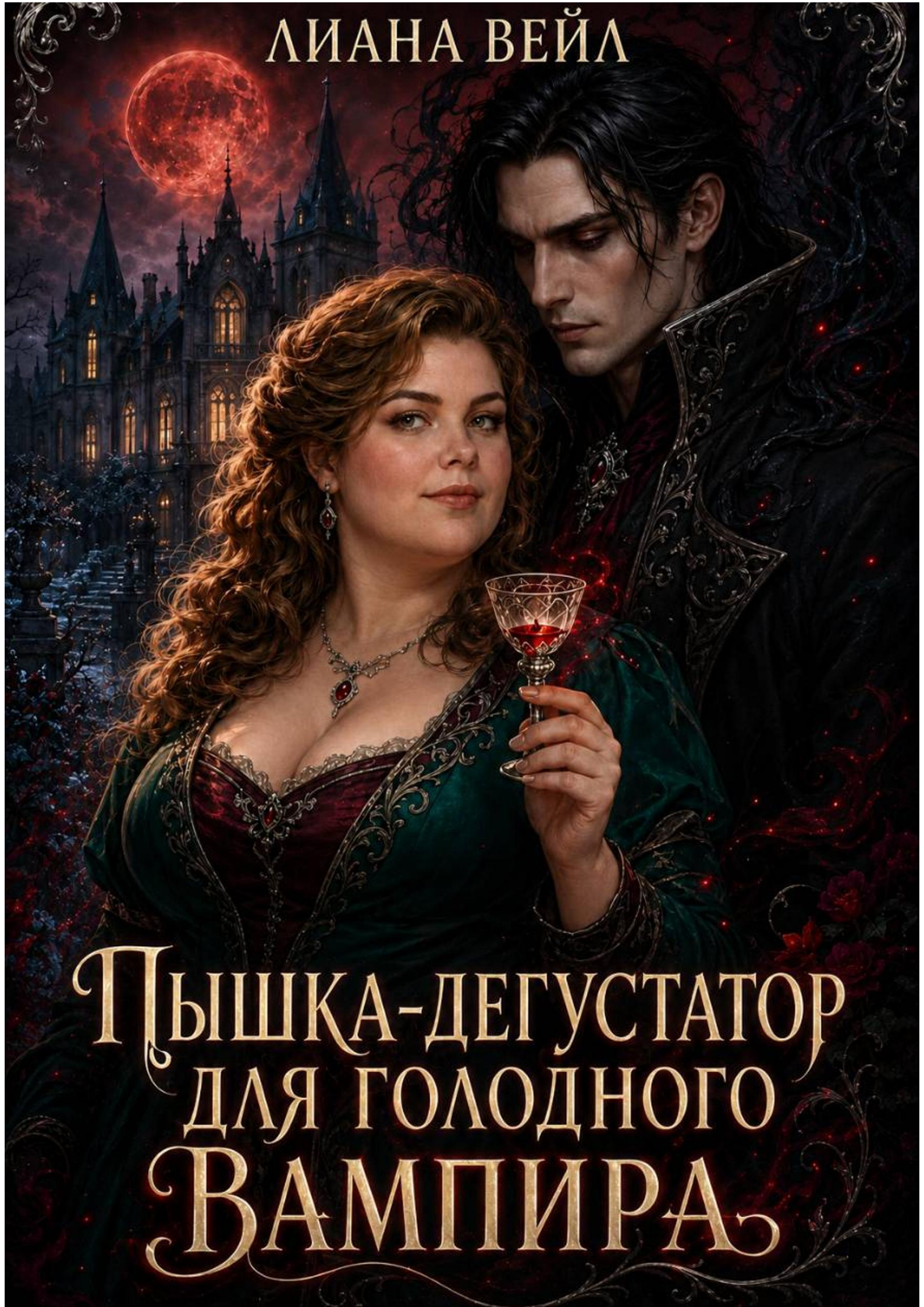

ЛИАНА ВЕЙЛ

ПЫШКА-ДЕГУСТАТОР
ДЛЯ ГОЛОДНОГО
ВАМПИРА

Лиана Вейл

**Пышка-дегустатор для
голодного вампира**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Пышка-дегустатор для голодного вампира / Л. Вейл — «Автор»,
2026

— Вы первая, кто назвал вкус правильно. За отказ назвать отравленную кровь безопасной Гильдия лишила меня лицензии. А голодный герцог-вампир Каэль Морвен предложил работу, на которой ни один дегустатор не продержался дольше недели. Теперь я живу в его доме, проверяю каждую чашу и запираю дверь, когда его тень отделяется от тела. Каэль уверен, что медленно становится чудовищем. Я уверена: его намеренно держат голодным. Чтобы найти виновного, мне придётся спуститься в подвалы Донорских домов, рискнуть собственным даром и довериться вампиру, способному выпить не только мою кровь, но и воспоминания. Главное — не стать для него очередным лекарством. И не перепутать голод с любовью. Однотомник. ХЭ.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Привкус золы	5
Глава 2. Работа у чудовища	12
Глава 3. Герцог, который не ест	19
Глава 4. Правила кормления	26
Глава 5. Чужая память на языке	33
Глава 6. До первого укуса	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лиана Вейл

Пышка-дегустатор для голодного вампира

Глава 1. Привкус золы

Кровь подали в хрустале, хотя любой человек, хоть раз отмывавший стол после разделки мяса, знал: на стекле она выглядит особенно скверно. Вино хотя бы пропускает свет, обещает терпкость и приятное забытё к концу вечера. Кровь свет глотает. В высоком кубке передо мной она казалась почти чёрной, только у самого края проступал густой рубиновый цвет. Ни пузырька, ни осадка. Безупречная партия из Красного дома Святой Лауры, гордость нового соглашения между короной и Ноктвейлом. Добровольные доноры, мягкий способ забора, лучшие сохраняющие составы. Всё чисто, законно и неприлично дорого.

— Госпожа Восс, — негромко напомнил мастер Роэ.

Он стоял справа, достаточно близко, чтобы я чувствовала запах гвоздичной воды, которой он полоскал рот перед каждой церемонией. Роэ считал, что хороший дегустатор не должен пахнуть даже собой. Человек, от которого в десяти шагах разило аптечным шкафом, несколько переоценивал собственную незаметность, однако спорить с главой Гильдии перед половиной двора было несвоевременно. Особенно когда форменное платье впивалось мне под грудью, а застёжка на поясе держалась с обречённостью солдата перед последним боем.

Я взяла со стола серебряную иглу. В зале стало тише, хотя до настоящей тишины было далеко: кто-то шуршал шёлком, кто-то кашлял в кулак, на галерее поскрипывали сапоги стражи. За длинным столом сидели представители Ночного совета. Они почти не двигались, и от этого люди рядом суеились ещё сильнее. Вампиры умели заставить человека почувствовать себя куском тёплого мяса, просто сохраняя хорошую осанку.

Игла вошла в кровь без звука. Я подняла её и подождала, пока лишняя капля скатится обратно в кубок, а оставшаяся вытянется на кончике тёмной бусиной. По правилам сначала следовало проверить запах. Железо, соль, слабая горечь лунника, которым кровь предохраняли от свёртывания, и дорогая лаванда: в Красном доме уверяли, что доноров она успокаивает. Возможно, так и было. Меня, во всяком случае, запах лаванды всегда заставлял думать о людях, которым очень нужно, чтобы окружающие перестали задавать вопросы.

Я коснулась иглой языка.

Первый вкус оказался правильным. Тёплый металл, чуть сладковатый сохраняющий состав, лунник, вода из известкового колодца. Женщина-донор ела утром хлеб с маком и запивала молоком — это я различила уже не даром, а обычным языком. Никакой кислоты болезни, никакого дешёвого сонного порошка. Я почти успела выдохнуть.

Потом капля согрелась у меня во рту.

Холод появился не на языке, а глубже, за нижними зубами. Сухой, пыльный, похожий на ощущение от золы, которую по глупости сдуваешь с печной заслонки против ветра. Только эта зола не осела на нёбе. Она полезла в дёсны тонкими ледяными иголками, и на короткое мгновение мне показалось, что во рту стало тесно от чужих зубов.

Я выплюнула кровь в белую фарфоровую чашу. На дне растеклась красная клякса, непристойно яркая на фоне герба Гильдии.

— Образец непригоден, — сказала я и сама услышала, как хрипло прозвучал голос. — Партия должна быть изъята до повторной проверки.

На этот раз зал действительно замолчал. Где-то наверху, под расписным потолком, царапнула коготками голубиная лапа. Я подняла глаза на мастера Роэ, ожидая обычного кивка, однако он смотрел не на меня, а на кубок. Его тонкие губы чуть побелели.

— Повторите пробу, — распорядился он.

— Уже нет необходимости.

— Повторите, Мирена.

Имя вместо официального обращения означало, что я ступила туда, где лёд ещё казался крепким только мне. Роэ обучал меня семь лет и ни разу не называл по имени на службе. Я взяла новую иглу. Служитель Красного дома открыл второй опечатанный флакон и налил кровь в чистый кубок. У него дрожали руки, пробка ударилась о поднос и покатилась к краю. Вампириша в первом ряду проследила за ней взглядом, но не нагнулась.

Вторая капля принадлежала другому донору, но под привкусом мясного бульона и дешёвого обезболивающего лежал тот же холод. Теперь я ощутила ещё и слабую сладость — вязкую, как у воды, слишком долго простоявшей рядом с мертвецом.

Я сплюнула и отложила иглу.

— Пепельная соль. Связанная, вероятно, памятью или кровной магией. Обычный реактив её не покажет.

Кто-то за спиной шумно втянул воздух. Несколько лиц разом повернулись ко мне. Только один вампир не пошевелился. Он сидел в самом конце, отделённый от соседей пустым креслом. Перед ним стоял полный кубок. Высокий, болезненно худой мужчина в чёрном сюртуке держал ладонь рядом с ножкой, не касаясь её. Герцога Каэля Морвена я прежде видела лишь на гравюрах, где ему прибавляли ширины в плечах и убирали впадины под скулами. На гравюрах правители всегда получались сытыми. Иначе народ начинал спрашивать, куда делась еда.

— Вы уверены в названии вещества? — спросила женщина, сидевшая во главе Ночного совета.

Сабелла Морвен выглядела лет на сорок, что для вампира могло означать почти что угодно. Серебристые волосы были уложены так гладко, будто каждый волос заранее подписал обязательство не выбиваться. Светлое платье с высоким воротником не оставляло открытым даже горло — изысканная сдержанность женщины, которой не требовалось показывать клыки, чтобы люди их помнили.

— Уверена, миледи.

— Пепельная соль запрещена в Элларе больше семидесяти лет.

— Запрет не уничтожает вещество. Только делает его дороже.

По залу прокатился тихий смешок, слишком поспешный, чтобы быть искренним. Мне не следовало отвечать так. Я поняла это ещё до того, как пальцы Роэ легли мне на локоть и стиснули ткань платья. Но холод оставался во рту, забивался под язык, а вместе с ним приходила чужая тревога. Не воспоминание, нет. Для этого примесь была слишком слабой. Просто ощущение человека, который лежал, не имея возможности пошевелить рукой, и слышал рядом спокойные голоса.

— Моя ученица хотела сказать, — начал Роэ, — что требуется дополнительное исследование. Второй вкус порой даёт ложный отклик, если дегустатор утомлён или нарушил подготовительный режим.

Я повернулась к нему. Теперь пальцы сжались сильнее.

— Я соблюдала режим.

— Разумеется. Однако торжественная обстановка, множество запахов... — Он наконец посмотрел мне в глаза и едва заметно качнул головой. Просил замолчать. Или приказывал; у Роэ эти вещи отличались только выражением рта. — Не будем забывать и о волнении.

— Я не волнуюсь.

Это было почти правдой. Теперь сердце било под тесным поясом часто и зло, но пепельную соль нельзя было спутать с испугом. На третьем году обучения одну её крупницу растворили в ведре воды и дали попробовать всему курсу. Мои дёсны кровоточили неделю, а одна девочка потеряла два зуба. Вампир от такой дозы не умер бы. Он просто не насытился бы

после первой чаши. Потом после второй. А после третьей перестал бы понимать, почему должен ждать четвёртую.

Сабелла наблюдала за нами с мягким интересом. Такой взгляд бывает у хозяйки, замечившей, что две служанки ссорятся над разбитой вазой: досадно, но утро хотя бы перестало быть скучным.

— Возможно, госпоже Восс следует отдохнуть, — произнесла она. — Я слышала, тонкий дар особенно чувствителен к... излишествам. Переутомлению, тяжёлой пище, недостатку движения.

Взгляды скользнули по моей груди, животу, бёдрам. Не все сразу, конечно. В приличном обществе на полную женщину смотрят по очереди и с достоинством. Воротник вдруг стал теснее, под ним выступил пот, а на языке всё ещё держался мерзкий холод.

— Проверку проводят языком, миледи, — сказала я. — Обхват талии в протоколе пока не указан.

Роэ отпустил мой локоть. Не потому, что успокоился. Полагаю, ему просто понадобилась рука, чтобы мысленно меня задушить.

— Какая непосредственность, — Сабелла улыбнулась. — И всё же одного ощущения недостаточно, когда речь идёт о годовых поставках для целого герцогства. Мастер Роэ, у Гильдии есть утверждённый способ проверки?

— Разумеется.

Роэ подал знак помощнику. Из запертой шкатулки достали прозрачный кристалл: от свободного яда он мутнел, от кровной магии синел, от растительных примесей трескался. Мастер опустил его в кубок. Кровь на мгновение вспыхнула белым, но камень остался прозрачным.

— Образец чист, — объявил мастер.

Шёпот в зале изменился. Только что люди боялись отравленной крови, теперь с заметным облегчением переключились на сумасшедшую дегустаторшу. Сумасшедшая женщина всегда удобнее яда: её можно удалить из помещения, и поставки не придётся пересчитывать.

— Я предупредила, что соль связана, — сказала я. — Кристалл ищет свободную примесь.

— Кристалл утверждён королевской комиссией.

— У комиссии нет языка.

— Довольно.

Роэ произнёс это тихо, однако тишина вокруг сделала слово почти осязаемым. Он вынул кристалл, промокнул белой салфеткой, внимательно осмотрел и вернул в шкатулку. Я следила за его руками. Обычно после проверки мастер сам пробовал образец, если ученик сообщал о неизвестной или связанной примеси. Так было записано в уставе, так он учил нас. Сейчас игла лежала в двух пальцах от его ладони, но Роэ даже не посмотрел на неё.

— Мастер, — обратилась я к нему, — подтвердите вторым вкусом.

На его щеке дёрнулась тонкая мышца.

— В этом нет необходимости.

— Тогда позвольте проверить третьего дегустатора.

— Вы ставите под сомнение решение главы Гильдии?

— Я ставлю под сомнение кровь.

И снова почти сказала: «Попробуйте». Это слово уже лежало на языке рядом с золой, но я проглотила его. Не из послушания. По тому, как Роэ избегал смотреть на кубок, я поняла, что пробовать он не станет. Возможно, потому что считал меня дурой. Возможно, потому что не считал.

Сабелла повернула голову к королевскому распорядителю — сухому пожилому человеку, который до этого изучал бумаги с такой сосредоточенностью, словно надеялся спрятаться между строками договора.

— Мы не можем позволить одной служащей сорвать церемонию, — сказала она. — Но Ночной совет не станет возражать против внутреннего разбирательства Гильдии. Разумеется, после подписания.

Распорядитель кашлянул.

— Разумный порядок. Мастер Роэ?

— Я приостанавливаю действие лицензии госпожи Восс до окончания проверки её дара и соблюдения профессиональных требований.

Он произнёс это без паузы. Слишком быстро для решения, которое только что пришло ему в голову.

Знак дегустатора носили на груди, слева, на двойной застёжке. Я расстегнула его сама. Пальцы слушались плохо, цепочка зацепилась за ткань, и на зелёном шёлке осталась дырочка. Семь лет обучения, две зимы в лихорадочных кварталах и одна ночь возле отравленного короля уместились в кусочке серебра, который Роэ принял, даже не коснувшись моей ладони.

— Теперь можно продолжать, — сказала Сабелла.

На бумаги легли печати. Помощники заменили мою чашу, будто именно она была источником неловкости, и позвали другого дегустатора — мальчишку, получившего лицензию весной. Он подошёл бледный, старательно не глядя на меня. Роэ что-то шепнул ему. Мальчишка коснулся крови иглой, едва смочил губы и сразу объявил образец чистым.

В конце стола тихо звякнул хрусталь.

Каэль Морвен перевернул свой кубок. Кровь разлилась по белой скатерти, потекла между тарелками и тяжёлыми каплями зашлёпала на пол. Никто не упрекнул герцога в неловкости. Он поднялся, застегнул сюртук и покинул зал, не сказав ни слова. Сабелла проводила его взглядом; улыбка осталась на её губах, но пальцы на миг вдавились в край стола.

Я смотрела на красное пятно, медленно пропитывавшее белую ткань. Потом служитель встал между нами и накрыл его салфеткой.

— О чём вы думали?

Мастер Роэ запер дверь малой комнаты и остался у неё, словно опасался, что я сбегу прежде, чем он успеет высказать всё, что копил с первой капли. Комната для отдыха дегустаторов была тесной: кушетка, рукомойник, шкаф с нейтрализующими настоями. Здесь пахло мятой, уксусом и плохо отмытой рвотой.

Я прополоскала рот солёной водой и сплюнула в раковину. Холод не исчез.

— О крови.

— Не дерзите мне хотя бы без публики.

— Я не дерзила. Вы спросили.

— У вас была одна задача, Мирена. Одна. Провести утверждённую проверку и поставить знак Гильдии.

— Моя задача — не дать кому-нибудь выпить яд.

— Это не яд.

— Тогда попробуйте.

Роэ замолчал. Совсем ненадолго, меньше чем на вдох, но я всё-таки заметила. Он прошёл к шкафу, взял бутылочку с гвоздичной водой и налил слишком много — почти половину стакана. Полоскал рот долго, запрокинув голову, хотя крови не касался. Когда сплюнул, от резкого запаха защипало глаза.

— Вы понятия не имеете, что сделали, — сказал он уже спокойнее. — Красный дом обеспечивает больше половины поставок Ноктвейла. За договором стоят корона, Совет и десятки

семей, для которых донорство — единственный законный заработок. Одно ваше слово может оставить без содержания тысячи людей.

— Если в крови пепельная соль, эти люди уже зарабатывают не так добровольно, как написано в договоре.

— Вы ничего не доказали.

— Для этого и существует проверка.

— Проверка состоялась. Кристалл не дал реакции.

— Кристалл и не должен был её дать. Вы знаете.

Он поставил стакан с такой осторожностью, будто боялся разбить остатки разговора. Раньше серебро на его висках казалось частью внушительного облика, теперь лицо осело, под глазами проступили серые тени. Мне хотелось, чтобы он признался в страхе или ошибке. Любая человеческая слабость была бы лучше этой аккуратной пустоты.

— Отзовите заявление, — произнёс Роэ. — Сошлитесь на недомогание. Через месяц я созову комиссию, вы подтвердите дар и получите знак обратно.

— А кровь весь месяц будут развозить по герцогству?

— Партии проходят дополнительные проверки на местах.

— Такими же кристаллами?

— Не упрямитесь. Вы слишком хорошая дегустаторша, чтобы погубить себя из-за одного неверного ощущения.

Вот оно. Не «неверного вывода», не «ошибки в веществе». Ощущения. Он поверил, что я почувствовала что-то, просто хотел, чтобы я назвала это ничем.

— Знак останется у вас, — сказала я. — Заявление — у меня.

— Без лицензии вас не возьмут даже проверять суп в дешёвой харчевне.

— Моя мать держит трактир. Уверена, из родственных чувств она позволит мне начать с мытья котлов.

— Вы шутите, потому что не понимаете серьёзности положения.

— Нет, мастер. Я шучу, потому что прекрасно её понимаю и иначе скажу то, о чём потом, возможно, пожалею.

Роэ поморщился. Раньше его раздражала моя привычка говорить лишнее. Теперь, кажется, раздражало то, что я хоть что-то говорила. Он отошёл от двери, освобождая проход.

— Завтра до полудня принесите в Гильдию форменное платье и рабочий футляр. Не пытайтесь проводить частные проверки: без знака это будет считаться мошенничеством. Когда одумаетесь, подайте прошение о пересмотре.

Я хотела спросить, сколько стоит его подпись под безопасностью этой партии, но без доказательств обвинение оставалось лишь приятным способом испортить себе жизнь. Я сняла с крючка плащ, сложила иглы в футляр и вышла. За дверью Роэ снова принялся полоскать рот.

Церемония ещё продолжалась. Из большого зала доносились голоса, звенели бокалы, музыканты на галерее заиграли что-то лёгкое и весеннее. Поставки подписали, кровь объявили безопасной, неудобную женщину убрали — разумеется, это следовало отметить музыкой. Я пошла по боковой галерее, стараясь не касаться языком зубов. Холод уже слабел, оставляя после себя металлическую сухость и неприятное желание сплюнуть, хотя во рту ничего не было.

— Госпожа Восс.

Голос раздался слева, из промежутка между двумя высокими окнами. Я остановилась так резко, что футляр ударил по бедру. Каэль Морвен стоял у колонны, наполовину скрытый тяжёлой портьерой. Никакой охраны рядом не было. Вблизи он выглядел ещё хуже, чем за столом: кожа натянулась на скулах, под глазами лежали тёмные полукружья, а губы казались почти бескровными. Только глаза жили на этом лице — тёмно-бордовые, внимательные и совершенно не похожие на глаза человека, который случайно задержался поговорить.

Я поклонилась ровно настолько, насколько требовал его титул и позволял тесный пояс.

— Уже не госпожа. Она прилагалась к серебряной пластинке.

— Титул к ней не прилагался.

— Тогда Гильдия семь лет вводила меня в заблуждение.

Его взгляд опустился к пустому месту на моей груди, где остались две маленькие дырочки от застёжки. Я ожидала улыбки, но Каэль лишь снова посмотрел мне в лицо. От него не пахло ни духами, ни вином. Только холодной тканью, дождём и чем-то слабым, горьким, что я не могла определить на расстоянии.

— Вы не должны были называть вещество вслух, — сказал он.

— Если вы пришли объяснить, как следовало выполнять мою работу, придётся встать в очередь. Мастер Роэ занял первое место, миледи Сабелла — второе. Вам достанется почётное третье.

— Я пришёл не за этим.

— За молчанием?

— Людей, продающих молчание, у моей тётки достаточно. Мне нужен тот, кто отказался его продать.

Он произнёс это без нажима, но у меня по спине всё равно прошёл неприятный холодок. Вампир стоял в нескольких шагах. Достаточно далеко по человеческим меркам и, вероятно, вплотную по его собственным. Я вспомнила, как он перевернул кубок, и только теперь поняла: Каэль сделал это после того, как второй дегустатор объявил кровь безопасной. До этого он не выпил ни глотка.

— Вы почувствовали примесь? — спросила я.

— Нет.

— Но поверили мне.

— Вы первая назвали вкус правильно.

Слова прозвучали буднично. Я не сразу поняла, что именно он сказал.

— Первая среди кого?

Каэль перевёл взгляд на закрытые двери церемониального зала. За ними гости смеялись; кто-то громко провозгласил тост за долгий мир между людьми и ночнорождёнными. Герцог слушал несколько секунд, и на его лице не изменилось ничего, однако пальцы правой руки медленно сжались. Перчатка натянулась на костяшках.

— Среди семи дегустаторов, трёх алхимиков и двух врачей, которых я нанимал за последний год. Все находили разные причины. Плохое хранение, несовместимость с лунником, возраст, последствия старой раны. Некоторые не находили ничего.

— А вы всё это время чувствовали золу?

— Во всём, что пил.

Мне захотелось снова прополоскать рот. Не из-за крови — из-за воспоминания о том, как холод впивался в дёсны. Одна капля, сразу выплюнутая, оставила след на четверть часа. Каэль сидел перед полным кубком так, словно давно разучился ждать от него чего-то другого.

— Я лишена лицензии, — напомнила я. — Вы не можете официально нанять меня дегустатором.

— Могу. В Ноктвейле гильдейский знак желателен, но личный приказ герцога имеет ту же силу.

— Удобные у вас законы.

— Обычно люди называют их деспотичными.

— Обычно люди стараются вам понравиться.

Теперь что-то изменилось. Не улыбка — до неё дело не дошло. В уголке его рта лишь появилась короткая складка, словно лицо вспомнило движение, которым давно не пользовалось.

— Поедете со мной в Дом Девяти Окон. Проверите кровь, лекарства, воду, посуду и всё, что сочтёте нужным. Жалованье в четыре раза выше гильдейского. Половина будет выплачена вперёд, даже если вы уедете на следующий день.

— Щедро.

— Нет. Срочно.

В коридор выглянул слуга, увидел нас и тут же скрылся. Предложение было безумным. Дом Девяти Окон стоял на окраине столицы Ноктвейла и принадлежал Морвенам дольше, чем Эллар существовал как королевство. Ничего хорошего дома с таким возрастом обычно не видели. Они накапливали сырость, призраков и фамильные привычки, которые владельцы называли традициями.

Но в моём кошельке лежало денег на две недели скромной жизни. Завтра я должна была вернуть платье и футляр. А где-то в городе уже разливали по дорожным ящикам кровь, после которой вампир не насыщался и хотел пить снова.

— Почему остальные уезжали? — спросила я. — Семеро за год — это даже для плохого работодателя многовато.

Каэль ответил не сразу. За окнами начинался дождь; редкие капли ударили по стеклу, и одна длинная дорожка поползла вниз рядом с его отражением. Он смотрел на меня спокойно, без попытки смягчить правду обещаниями или деньгами. От этого правда заранее становилась хуже.

— Потому что никто из них не оставался дольше недели, — сказал он. — На седьмой день я начинал смотреть на дегустатора как на еду.

Глава 2. Работа у чудовища

Четыре гильдейских жалованья весили неожиданно мало. Кошель лежал у меня на коленях, подпрыгивал вместе с каретой и тихо звякал, напоминая, что порядочные решения редко оплачивают вперёд. Половину суммы Каэль выдал ещё во дворце, не торгуясь и не требуя расписки кровью, что само по себе казалось подозрительным. Я отказалась ехать немедленно: сначала вернула форменное платье и футляр, затем собрала вещи. Два платья, бельё, тёплая шаль, старые иглы и банка яблочного повидла от матери. Последняя была тяжелее всего остального и куда полезнее.

Каэль ждал возле моего дома в закрытой карете. Он не прислал слугу, не велел потопиться и никак не прокомментировал единственный дорожный саквояж. Просто открыл дверцу, пропустил меня вперёд и сел напротив. Такое воспитание от существа, которое вчера призналось в желании съесть своих работников, сбивало с толку сильнее откровенной грубости.

Мы ехали уже больше часа. Дождь не прекращался с ночи, превращая город за стёклами в размазанную серую картину. Лавки и складские кварталы остались позади, улицы стали шире и пустее. Каэль почти всё время смотрел наружу. На нём был тот же чёрный сюртук, только тени под глазами сделались ещё темнее. Возможно, он вообще не ложился, чтобы случайно не проснуться рядом с чьей-нибудь шеей.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала я.

— На какой из девяти?

— Я задала семь.

— Два вы произнесли про себя достаточно громко.

Я внимательнее посмотрела на него. Каэль не улыбался. Впрочем, вчера он тоже почти не улыбался, и я ещё не научилась различать, когда герцог шутит, а когда сообщает о новой особенности вампиров, после которой людям полагается занавесить окна и ни с кем не разговаривать.

— Вы читаете мысли?

— Нет.

— Жаль. Это избавило бы нас от долгих бесед.

— Вы правда так считаете?

— Нет. Но мне хотелось проверить, поймёте ли вы.

Складка у его рта появилась и исчезла. Карета качнулась на выбоине; кошель соскользнул с колен, я поймала его возле пола. Каэль протянул руку чуть позже меня и сразу отдернул. Даже через перчатку пальцы у него выглядели слишком длинными. Ногти были короткими и человеческими, но кожа вокруг них отливала серым, словно он долго держал руки в ледяной воде.

— Я спрашивала, нападали ли вы на кого-нибудь из предыдущих дегустаторов.

Он снова повернулся к окну.

— Нет.

— Укусили?

— Нет.

— Угрожали?

— Последним двоим сообщил, что им пора уехать.

— Почему только последним?

— До них я считал, что достаточно запереться самому.

Ответ прозвучал без гордости и без того раскаяния, которым люди любят прикрывать желание, чтобы их немедленно простили. Каэль просто сообщил факт. От этого в карете стало

как будто теснее. Между нами оставалось достаточно места для третьего пассажира, однако я всё равно плотнее запахнула плащ и убрала волосы с открытой стороны шеи. Он заметил. Разумеется, заметил. Взгляд на мгновение задержался на моих пальцах, после чего герцог отодвинулся в угол и приоткрыл своё окно. В карету ворвался сырой холод.

— Значит, вы ни разу не потеряли контроль, — сказала я.

— Не настолько, чтобы не помнить произошедшее.

Ответ мне не понравился.

— Это не то же самое.

— Я знаю.

За стеклом закончилась городская застройка. Дорога пошла вверх между мокрыми вязами, голые ветви царапали низкое небо. Вдалеке проступила тёмная ограда, за ней — длинный дом из почти чёрного камня. Он был гораздо шире, чем я представляла, и смотрел на дорогу девятью высокими окнами. Ровно девятью. Остальная часть фасада оставалась глухой, будто архитектор начал работу с приличным особняком, а закончил крепостью, внезапно вспомнив, кто будет в ней жить.

— Почему Девять Окон? — спросила я.

— Потому что их девять.

— Как исчерпывающе. А я надеялась на проклятие, семейную легенду или хотя бы замурованную невесту.

— Невесту замуровали в северном крыле. К окнам она отношения не имеет.

Я посмотрела на него, но Каэль уже открыл дверцу остановившейся кареты. Судя по совершенно спокойному лицу, уточнять, пошутил ли он, предстояло у кого-нибудь другого.

У крыльца нас ждала полная пожилая женщина в тёмном платье. Связка ключей висела у неё на поясе и звякнула, когда она поклонилась Каэлю. Поклон был безупречным, выражение лица — таким, каким встречают родственника, который опять привёл в дом раненое животное и заранее решил, что ухаживать будут остальные.

— Ваша светлость, — произнесла она. — Доктор Терн просил передать, что, если вы ещё раз покинете дом после приступа, он сломает вам обе ноги. Я немного смягчила формулировку.

— Благодарю, Оделия.

— Не за что. Я передам, что предупреждение доставлено.

Она повернулась ко мне. Взгляд прошёлся по мокрому плащу, саквояжу и пустому месту, где ещё вчера был приколот знак Гильдии. На моей фигуре Оделия не задержалась, что после дворца почти располагало к ней.

— Госпожа Восс?

— Пока да. Но день только начался.

— Оделия Брант, домоправительница. Если вам потребуется что-нибудь обычное, обращайтесь ко мне. Если необычное — сперва подумайте, действительно ли оно вам требуется.

Каэль забрал у меня саквояж раньше, чем подбежавший лакей успел это сделать. Я хотела возразить, но герцог уже поднялся по ступеням. Его движения казались спокойными лишь первые два шага. На третьем он чуть заметно качнулся и сильнее сжал ручку. Оделия тут же подступила ближе, не касаясь его, однако Каэль выпрямился.

— Я сам.

— Я вижу. Особенно хорошо это видно по тому, как вы белеете на фоне извести.

Он ничего не ответил. Домоправительница дождалась, пока он переступит порог, и звякнула ключами прежде, чем войти следом. Не случайно: она подняла связку рукой и коротко встряхнула. Каэль уже успел отойти в сторону, освобождая проход.

Внутри Дом Девяти Окон оказался теплее, но не приветливее. Свечи отражались в натёртом полу и золоте рам, однако картины были слишком тёмными, чтобы рассмотреть лица. Между ними висели зеркала под серыми чехлами. Лестница уходила на второй этаж двумя

одинаковыми маршами, а между ними виднелась дверь без ручки. Пахло воском, влажной шерстью и лекарствами.

— Мирена Восс, — раздалось сверху. — Та самая или другая?

По лестнице спускался мужчина в расстёгнутом жилете и рубашке с закатанными рукавами. Седые пряди на висках плохо сочетались с лицом, которому я дала бы немногим больше сорока. В одной руке он держал очки, в другой — тёмный флакон. Последние ступени доктор Терн преодолел быстро, остановился перед Каэлем и без приветствия схватил его за подбородок.

— Открой рот.

— Нет.

— Тогда я попрошу госпожу Восс. Перед ней тебе, возможно, станет стыдно вести себя как избалованный покойник.

— Я не покойник.

— Именно это я и пытаюсь сохранить. Открой.

Каэль поставил мой саквояж на пол и подчинился. Иво приблизил флакон ко рту герцога; из горлышка поднялся тонкий зеленоватый дым. Каэль дёрнулся, губы оттянулись, на миг обнажив клыки. Они были длиннее, чем позволяли человеческие дёсны, но не это заставило меня задержать дыхание. За обычным рядом зубов, глубже, проступали ещё два тонких белых острия. Через секунду дым рассеялся, и их не стало.

— Хуже, — заключил Иво.

— Я знаю.

— Знать и делать вид, что ничего не происходит, — разные занятия. Первое тебе удаётся реже.

Только закончив осмотр, доктор повернулся ко мне. Его взгляд был быстрым и цепким, но не неприятным.

— Иво Терн. Врач, алхимик и человек, на которого его светлость сваливает все решения, требующие здравого смысла. Вы действительно нашли пепельную соль?

— Я действительно её почувствовала.

— Прекрасно.

— Обычно после таких слов люди отнимают у меня работу.

— У нас всё наоборот. Работа появляется именно после плохих новостей. Если сообщите, что он безнадёжен, придётся повысить жалованье.

— Иво, — произнёс Каэль.

— Я молчу. Иначе скажу, что думаю о вчерашней поездке во дворец.

— Ты уже передал через Оделию.

— Смягчённую версию.

Оделия подняла мой саквояж. Я попыталась забрать его, но под её взглядом оставила руки при себе. Домоправительница повела меня по правой лестнице, встряхивая ключи перед каждым поворотом и закрытой дверью. Вскоре я заметила: прислуга тоже объявляла о себе звуком. Горничная постучала щёткой о стену перед выходом в коридор, лакей кашлянул у подножия лестницы.

Здесь никто не хотел заставить хозяина врасплох.

Мне отвели комнату в восточном крыле. Просторная, с широкой кроватью, письменным столом и окном в заросший сад, она была лучше любого жилья, которое я могла позволить себе даже с лицензией. На стене напротив кровати висело ещё одно зеркало под плотной тканью.

— Его можно открыть? — спросила я.

Оделия поставила саквояж на скамью.

— Днём — да.

— А ночью?

— Ночью вам не понадобится зеркало.

Она ответила так спокойно, что расспрашивать сразу показалось невежливым. Я всё же приподняла край ткани. В зеркале отразились моё уставшее лицо, растрёпанные волосы и Оделия, стоявшая за спиной. Домоправительница встретила со мной взглядом через стекло, после чего сама опустила чехол.

— Лаборатория через две двери, — сказала она. — Доктор приготовил вам инструменты. Ужин подадут в кабинет его светлости через час. Западная лестница после заката закрывается. Если услышите шаги за своей дверью, сперва спросите, кто там. Не открывайте только потому, что вам ответили знакомым голосом.

— Почему?

— Потому что знакомые люди умеют ждать, пока вы откроете сами.

Она направилась к выходу, снова звякнув ключами. На пороге я всё-таки не выдержала:

— Невесту правда замуровали в северном крыле?

Оделия обернулась. Её лицо осталось строгим, но одна бровь чуть поднялась.

— Нет. Она выпрыгнула из окна. В те времена их было десять.

Дверь за ней закрылась. Я постояла посреди комнаты, глядя то на серый чехол поверх зеркала, то на кошель с деньгами. После этого убрала его на дно саквояжа. Четыре жалованья внезапно перестали казаться щедростью.

Ужин действительно подали в кабинет Каэля, однако ел только Иво и, после недолгого внутреннего спора, я. Голодать из вежливости рядом с голодным вампиром казалось не просто глупостью, а дурной насмешкой. На столе стояли тушёное мясо, тёплый хлеб, печёные корни и маленькая супница. Я налила себе бульон, убедилась, что в нём нет ничего опаснее избытка перца, и приступила к расспросам. Каэль сидел напротив пустой тарелки. Сюртук он снял, оставшись в чёрной рубашке; манжеты закрывали запястья, перчатки всё ещё были на руках.

— Когда вы впервые поняли, что не насыщаетесь?

— Тринадцать месяцев назад.

— Одиннадцать, — одновременно с ним сказал Иво и отложил вилку. — Тринадцать месяцев назад он заявил, что кровь стала хуже на вкус. Не насыщаться начал позже.

— Я заметил позже.

— Ты скрыл первые приступы.

— Они были незначительными.

— Ты очнулся на крыше конюшни с мёртвым оленем.

Каэль посмотрел на него. Иво намазал хлеб маслом и отправил в рот с невозмутимостью человека, который давно перестал бояться увольнения.

— Олень был не из конюшни, — уточнил герцог.

— Это, безусловно, меняет диагноз.

Я положила ложку. Бульон был хорош, но картинка с оленем несколько мешала наслаждаться вкусом.

— Людям вы тогда не навредили?

— Нет, — ответил Каэль.

Иво не перебил, следовательно, это хотя бы не было ложью, согласованной только с одной стороны.

— Что вы пробовали менять?

Доктор подвинул ко мне толстую тетрадь. Аккуратные записи постепенно сменялись мелкими строчками, сердитыми пометками и пятнами реактивов. За год они сменили семь поставщиков, исключили известные консерванты, проверили воду, посуду и лекарства. Каэль пил

свежую кровь, замороженную, смешанную с настоями, животную и даже искусственный заменитель, от которого, по словам Иво, порядочный вампир должен был умереть уже от запаха.

— Ничего? — спросила я.

— Животная кровь задерживает приступы, но не питает, — ответил Иво. — Заменители он больше не удерживает. Человеческая даёт силу на несколько часов, а затем жажда возвращается сильнее.

— Как часто происходят приступы?

Иво перевернул несколько страниц.

— Первый промежуток — двадцать два дня. Потом семнадцать, четырнадцать, десять. Последний — пять.

— Вчера был четвёртый день, — сказал Каэль. — Поэтому я поехал во дворец.

— Поэтому вчера ты должен был сидеть в нижней комнате, — огрызнулся доктор. — Если бы кровь подали раньше, чем выступила госпожа Восс...

— Я бы не пил.

— Конечно. Ты ведь ни разу не переоценивал себя.

Иво закрыл тетрадь сильнее, чем требовалось. На обложке осталась вмятина от его большого пальца. Каэль не ответил, только повернул голову к огню. Пламя из камина ложилось на его лицо, придавало коже почти человеческое тепло, но тень на стене казалась гуще, чем должна была. Когда он пошевелил рукой, она запоздала. Совсем немного, на долю секунды. Я моргнула, и всё снова выглядело нормально.

— Сколько у нас времени? — спросила я.

— Если промежутки продолжают сокращаться, до следующего серьёзного приступа три или четыре дня, — сказал Иво. — Необратимые изменения могут начаться через шесть недель. Могут через две. Мы не знаем.

— Месяц, — отрезал Каэль. — Через месяц я перестану выходить из нижней комнаты.

Он открыл ящик стола и достал сложенный документ с чёрной печатью. Бумага легла рядом с моей тарелкой. Аппетит окончательно умер, хотя мясо всё ещё пахло луком и розмарином.

— Что это?

— Распоряжение на случай, если я утрачу способность принимать решения. Иво получит право применить солнечное серебро. Мне нужно, чтобы вы определили момент, после которого лечение уже не имеет смысла, и рассчитали безопасную дозу.

Я развернула документ. Под ровными строчками стояли подпись Каэля, печать Ноктвейла и две свидетельские отметки. Всё было подготовлено заранее. Он нанимал меня не искать яд. Ему требовался человек с редким даром, способный попробовать его кровь и сказать, когда в ней останется слишком мало человека.

— Нет.

Каэль перевёл взгляд с огня на меня.

— Это часть работы.

— Нет. Вы предложили проверять кровь, лекарства, воду и посуду. О вашей казни в перечне не было ни слова.

— Я сказал, что вопрос срочный.

— А я решила, что вы хотите жить. Ошибка начинающего частного специалиста.

Иво опустил глаза к тарелке, однако угол его рта дрогнул. Каэль остался неподвижен.

— Если лекарство не существует, точность избавит людей в этом доме от риска.

— Для этого у вас есть врач.

— Врач не чувствует, что остаётся в крови.

— Дегустатор тоже не палач.

— Я не прошу вас держать оружие.

— Нет, вы просите только выбрать день и написать на бумаге, что после него вы уже не человек. Очень чистая работа. Ни крови на руках, ни неприятных звуков.

Каэль медленно поднялся. Стул не скрипнул, но Иво перестал жевать. Герцог был выше меня почти на голову даже тогда, когда я стояла, а сейчас мне пришлось запрокинуть лицо. Голод проступал в нём не только худобой. Зрачки расширились, оставив от бордовой радужки тонкий ободок, ноздри едва заметно дрогнули. Я слышала собственный пульс и не сомневалась, что он слышит его лучше.

— Вы не знаете, что произойдёт, если я ошибусь, — тихо сказал он.

— Поэтому и собираюсь выяснить.

— А если выясните, что причины нет?

— Тогда буду думать дальше. Это неприятное свойство живых людей.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Страх поднимался от живота, густой и холодный, но отступать к двери я не стала. Не из храбрости. За спиной стоял стол, и попытка гордо пятиться закончилась бы падением в суп. Каэль первым отвёл взгляд. Радужки постепенно вернули цвет.

— Месяц, — повторил он. — Вы ищете причину до конца месяца. Если не находите, выполняете первоначальную просьбу.

— Я её не принимала.

— Тогда до конца месяца у вас будет время придумать отказ убедительнее.

Он снова сел, будто разговор закончился. Иво шумно выдохнул и потянулся за вином.

— Наконец-то разумный план, — сказал доктор. — Один собирается умереть по расписанию, вторая — запретить ему силой профессионального упрямства. Мне остаётся составить график и не мешать.

Я придвинула к себе тетрадь.

— Начнём с запасов крови.

— Сейчас? — спросил Иво.

— Мне заплатили вперёд. Не хочу, чтобы обо мне плохо подумали прежде, чем появятся основания.

На этот раз Каэль действительно улыбнулся — едва заметно и без радости. Потом поднялся и позвонил в колокольчик.

Хранилище располагалось под восточным крылом. Оделия открыла три железные двери, каждый раз заранее звеня ключами, хотя за ними никто не должен был находиться. За последней нас встретил холод, плотный запах металла и ровные ряды деревянных ящиков. На каждом стояли дата, номер партии, название Донорского дома и две печати: поставщика и независимого алхимика. Красного дома Святой Лауры среди них почти не было.

— После первых жалоб мы прекратили постоянные закупки у одного поставщика, — объяснил Иво. — Заказывали понемногу в разных местах. Часть доставляли напрямую, часть через королевский склад. Результат одинаковый.

— Вы выбирали образцы для прошлых дегустаторов?

— Нет. Они выбирали сами.

Я прошла между стеллажами, не касаясь ящиков. Каэль остался у входа. Чем дальше я отходила, тем ровнее становилось его лицо, и это было достаточно ясным ответом на вопрос, почему он не помогает. Вампир в хранилище крови напоминал алкоголика, которого пригласили пересчитать винный погреб и велели не нервничать.

Я остановилась наугад возле нижней полки.

— Этот.

Оделия наклонилась, но я опередила её и сама вытащила небольшой ящик. На крышке значился Дом Тихих Вод, располагавшийся на севере Эллара. Партия пришла четырнадцать месяцев назад, за месяц до первых жалоб Каэля на вкус крови. Печати не были повреждены. Я попросила чистый поднос, воду, две чаши и иглу.

Инструменты принесли из лаборатории в новом чёрном футляре. Внутри всё лежало в идеальном порядке: серебряные и стеклянные иглы, ложечки, фарфоровые чаши для пробы, нейтрализующие соли, полоски бумаги, запас перчаток. Чужими инструментами работать я не любила, но мои теперь принадлежали Гильдии. Я выбрала иглу, проверила её водой и только после этого позволила Оделии открыть ящик.

Внутри находились шесть тёмных флаконов, переложенных соломой. Она взяла ближайший. Я остановила её.

— Не ближайший. Тот, который сложнее достать.

Оделия посмотрела на меня внимательнее и вынула флакон из дальнего угла. Воск на пробке был цел, оттиск соответствовал печати дома. Иво проверил стекло на следы прокола, затем передал мне.

Кровь пахла иначе, чем вчерашняя. Не было лаванды, лунника и сладкого сохраняющего состава Красного дома. Здесь использовали можжевельник, соль и немного горького мха. Донором был мужчина, здоровый, молодой, перед сдачей он ел копчёную рыбу. За этим не стояло ни страха, ни тумана от сильного успокоительного. Обычная законная кровь, привезённая с другого конца королевства за полгода до торжественной партии.

Я коснулась иглой языка.

Сначала пришли можжевельник и железо. Затем под нижними зубами раскрылся знакомый ледяной холод. Я успела выплюнуть кровь, но дёсны уже заныло, а чужое сердцебиение коротко толкнулось у меня в горле.

— Мирена? — Иво оказался рядом. — Что вы чувствуете?

Я прополоскала рот, переждала, пока перестанут дрожать пальцы, и посмотрела на печать Дома Тихих Вод. Каэль всё ещё стоял у двери. Ни надежды, ни страха на его лице не было; похоже, он слишком часто наблюдал, как люди обещают разгадку, а потом отводят глаза.

— То же самое, — сказала я. — Пепельная соль. Точно так же связана с кровью, хотя поставщик другой, а партии больше года.

Иво выругался шёпотом. Оделия с силой закрыла крышку ящика. Только Каэль не пошевелился. Я провела языком по ноющим дёснам и вдруг поняла, почему герцог не торопился радоваться. Загрязнённый запас означал не просто плохую кровь. За год они меняли дома, составы, пути доставки и проверяющих, а холод всё равно добирался до каждого флакона, предназначенного ему. Я приехала искать болезнь, однако уже первая случайная проба показала вещь куда хуже: кто-то не позволял Каэлю насытиться — терпеливо, дорого и достаточно долго, чтобы голод однажды сделал всю остальную работу.

Глава 3. Герцог, который не ест

К рассвету на лабораторном столе стояли семь открытых флаконов, три чаши с мутным осадком, блюдо с почерневшей серебряной стружкой и моя уверенность, что я понимаю происходящее, — последняя выглядела хуже всего остального. Кровь из Дома Тихих Вод проверили водой, огнём, свободными солями, кристаллом и ещё двумя реактивами, названия которых Иво произносил так, будто ругался на древнем языке. Ничего. Кристалл оставался прозрачным, стружка чернела от обычного железа, на стенках чаши оседал сохраняющий состав. Пепельная соль не проявлялась нигде, кроме моего рта, и после четвёртой пробы язык занемел так, что можжевельник я узнавала только по запаху.

— Если вы ещё раз потянетесь за иглой, я отниму у вас руки, — предупредил Иво. Он стоял у горелки с закатанными выше локтей рукавами и держал щипцами пробирку. Под глазами у него залегли тени, седые пряди торчали в разные стороны, зато раздражение сохраняло завидную бодрость. — У меня уже есть один пациент, который считает собственное тело расходным материалом. Второго не требуется.

— Тогда перестаньте ставить образцы так близко.

— Они стоят в трёх шагах.

— Для хорошего дегустатора это близко.

— Для хорошего дегустатора, возможно. Для женщины, которая с полуночи четырежды попробовала запрещённое вещество, расстояние следовало бы измерять этажами.

Я прополоскала рот нейтрализующим настоем. Он пах мятой, уксусом и наказанием за любопытство, а на вкус теперь не был похож ни на что. Каэль находился у дальней стены, возле закрытого окна. Сразу после хранилища он хотел уйти, но я попросила остаться: неизвестно, имела ли примесь отношение к самому вампиру. Герцог подчинился без спора и почти два часа не приближался к столу. Кровь в открытых чашах действовала на него хуже, чем он желал показать. Он держал руки за спиной, однако однажды перенёс пустой стакан, и стекло тихо застучало о блюдо. Каэль поставил его на место, будто ничего не произошло. Я тоже ничего не сказала. Жалость он бы принял за оскорбление, а наблюдение могло пригодиться.

— Эти флаконы прошли через разные склады? — спросила я.

Иво снял пробирку с огня, дождался, пока жидкость перестанет кипеть, и вылил её в чашу. Кровь свернулась рыхлыми бурыми хлопьями.

— Три доставили напрямую. Два — через королевский склад. Один привёз мой человек и не выпускал ящик из рук до самой двери. Последний купили без имени заказчика в обычной лечебнице.

— Посуду меняли?

— Стекло, фарфор, серебро, обожжённая глина. Из деревянной кружки он тоже пил, но это было отчаяние, а не исследование.

— Кружка была чистой, — произнёс Каэль.

— Кружка пахла пивом и старым луком, — возразил Иво. — На её фоне чистой могла показаться даже болотная вода.

Я взяла щипцами стеклянную палочку и провела по дну первой чаши. Если бы соль находилась в самом сохраняющем составе, при нагревании запах стал бы сильнее. Вместо этого в воздух поднялись железо и горький мох. Ничего холодного, пыльного, знакомого. Второй вкус улавливал примесь лишь при соприкосновении с телом. Обычный яд лежит в образце покорно: его можно осадить, выпарить, заставить изменить цвет. Эта дрянь будто притворялась частью крови, пока кто-нибудь не решал её выпить.

— Вы сказали, все анализы были чисты, — напомнила я Иво. — Насколько чисты?

Доктор посмотрел на ряд пробирок. Ему не нравился вопрос, но не потому, что он боялся признаться в небрежности. Скорее потому, что за последний год задавал его себе слишком часто.

— Настолько, что я перестал доверять собственным рукам. Я проверял реагенты на известных ядах, менял оборудование, приглашал двух алхимиков и не сообщал им, чей это рацион. Они нашли избыток соли в одной партии и слабое успокоительное в другой. Ни то ни другое не объясняло голод. Кровь его светлости тоже чиста. Печень работает, насколько у вампира вообще можно назвать это печенью. Сердце не разрушается. Солнечного серебра нет. Признаков старого проклятия нет. — Иво помолчал, затем добавил тише: — Если бы я не видел приступы сам, решил бы, что Каэль лжёт.

— Я предлагал это заключение, — сказал герцог. — Оно обошлось бы дешевле.

— Ты предлагал ещё запереть себя под землёй и избавить всех от необходимости думать. Я не обязан выбирать из твоих идей наименее глупую.

Каэль отвернулся к окну. За стеклом серел сад, голые ветви проступали из тумана, как тонкие кости. Ночь отступала, и вместе с ней уходило то небольшое преимущество, которое давала ему темнота. Плечи оставались прямыми, но пальцы за спиной сжались сильнее. Я вспомнила сокращающиеся промежутки между приступами и посмотрела на открытые флаконы. Для меня они были уликами. Для него — едой, стоявшей на расстоянии нескольких шагов и обещавшей сделать голод ещё сильнее.

— Уберите кровь, — сказала я.

— Мы не закончили, — отозвался Каэль.

— Вы закончили. По крайней мере, в этой комнате.

— Моё присутствие может понадобиться.

— Тогда я позову. Пока от вас требуется не доказать, что вы способны смотреть на семь открытых флаконов, а не сорваться до следующего опыта.

Он медленно перевёл взгляд на меня. В нём не было благодарности, и это меня устроило. Каэль подошёл к двери; возле стола его шаг на миг сбился, словно запах толкнул в грудь. Иво замер, всё ещё держа щипцы, но герцог не повернул головы. Только открыл дверь и остановился на пороге.

— Я буду в кабинете.

— Слугу предупредите, чтобы не входил без звука, — сказала я.

Короткая складка появилась в углу его рта.

— В этом доме слуги предупреждают даже мебель.

Когда дверь закрылась, Иво собрал чаши, перенёс кровь в вытяжной шкаф, опустил тяжёлую заслонку и только после этого позволил себе выдохнуть.

— Вы хорошо скрываете тревогу, доктор.

— Я её не скрываю. Я придаю ей форму раздражения. Так она меньше мешает работе.

— Полезный метод.

— Берите на вооружение. Только не у меня: в этом доме раздражение уже числится за мной.

Мы проверяли до тех пор, пока утро не стало окончательно серым: воду, полоскание Каэля, капли от сна, настой от жара, порошок для сосудов, масло с пробок, воск с печатей и всю посуду. Я даже провела языком по краю вымытого кубка, после чего Иво заявил, что Гильдия вернёт мне лицензию лишь затем, чтобы отнять её ещё раз с должной торжественностью. Всё было чисто. Никакой золы, чужого страха или связанной магии.

— Значит, не посуда и не лекарства, — сказала я, разминая пальцами онемевшую челюсть. — И не вода. Остаётся кровь.

— Семь поставщиков, — напомнил Иво.

— Значит, кто-то добрался до семи поставщиков.

— И до королевского склада, и до лечебницы, где покупателя выбрали утром по жребью?

— Вы хотите убедить меня, что это невозможно?

— Я хочу, чтобы невозможное наконец выбрало одно приличное объяснение. За год их накопилось слишком много.

Дверь открылась после короткого звона ключей. Оделия внесла поднос с хлебом, холодным мясом, сыром и маленькой банкой, которую я узнала сразу. Домоправительница обнаружила моё яблочное повидло в саквояже и решила, что хозяйское серебряное блюдо придаст ему более достойный вид. Не придало. Повидло осталось густым, коричневатым и совершенно домашним, с несколькими слишком крупными кусками яблока. От одного запаха у меня свело пустой желудок.

— Вы не ужинали достаточно, — сообщила Оделия.

— Я ужинала.

— Вы задавали вопросы над тарелкой. Это другое занятие.

Она поставила поднос на свободный край стола и оглядела лабораторию. На задержавшемся взгляде у вытяжного шкафа не дрогнуло ничего, однако связка ключей на её поясе тихо звякнула.

— Его светлость ушёл?

— В кабинет, — ответил Иво. — И, прежде чем вы спросите, сам. Пока госпожа Восс не велела ему уйти, он изображал предмет обстановки.

— Из него всегда получалась плохая мебель. Слишком мрачная и занимает много места.

Оделия вышла, оставив дверь приоткрытой. Я намазала повидло на хлеб. Первый кусок был нужен не только желудку: обычный вкус помогал понять, насколько дар ещё слушается. Кислота антоновки, сахар, корица и едва заметный дым от материнского котла вернулись не сразу. Я жевала и вдруг поймала себя на том, что ищу среди них золу. Её не было. Только яблоки, хлеб и воспоминание о кухне, где мать ругалась на сквозняк, соседей и ленивое тесто с одинаковой искренностью.

— Нормально? — спросил Иво.

— Переслащено.

— Значит, нормально.

Я доела хлеб, после чего взгляд упал на третью полку шкафа. Там стояли флаконы с заменителями: густая тёмная жидкость, которую Иво вчера описал как оскорбление порядочного вампира. Если загрязнена только донорская кровь, искусственная смесь должна была оставаться чистой. Я достала один флакон. Доктор открыл рот, собираясь возразить, но ограничился тяжёлым вздохом и подвинул нейтрализующий настой ближе.

Заменитель пах железной стружкой, свёклой и чем-то мучным. На языке он оказался ещё хуже: сладким, солёным и жирным одновременно, будто кто-то растопил свечу в мясном бульоне и попытался исправить ошибку сахаром. Я проглотить не смогла. В фарфоровой чаше появилась бурая лужица.

— Никакой пепельной соли, — сказала я. — Совершенно чистая гадость.

— Я потратил на неё три месяца.

— Тогда гадость очень качественная.

Иво забрал флакон с выражением человека, у которого оскорбили некрасивого, но любимого ребёнка. Я попросила принести другой, из новой партии, затем животную кровь. Обе пробы были чисты. Никакого ледяного следа. Однако Каэль говорил, что заменители больше не удерживают, а животная кровь только задерживает приступ. Если пепельная соль находилась исключительно в донорских поставках, чистое питание должно было хотя бы ненадолго возвращать насыщение.

— Когда он в последний раз пил заменитель? — спросила я.

— Девять дней назад. Его вырвало почти сразу.

— А обычную пищу?

— Каэль может её проглотить. Питания она вампиру не даёт, но раньше он ел за общим столом. Последние месяцы запах вызывает тошноту.

Я посмотрела на хлеб с повидлом, потом на дверь. Неприятная мысль появилась ещё в хранилище, но теперь обрела форму. Мы искали, чем загрязняли всё, что попадало в Дом Девяти Окон. Возможно, искать следовало не снаружи.

Каэль вернулся в лабораторию ближе к полудню, переодетый в свежую рубашку и новый сюртук, словно чистая ткань могла исправить то, что происходило под кожей. Вид у него сделался ещё хуже. Дневной свет из высокого окна был слабым, рассеянным тучами, но даже его хватало, чтобы лицо вампира казалось вырезанным из серого воска. Он остановился у двери и посмотрел на закрытый вытяжной шкаф.

— Кровь убрали, — сказала я. — Открывать не будем.

— Тогда зачем я здесь?

— Проверить, насколько вы умеете выполнять неприятные указания специалиста.

— Для этого вам не нужна лаборатория.

Иво фыркнул и разложил на подносе инструменты. Среди обычных игл лежал короткий трёхгранный ланцет с бледно-золотой кромкой. Солнечный камень. От одного взгляда на него Каэль стал неподвижнее, хотя отступить не попытался.

— Нужна ваша кровь, — объяснила я. — Свежая.

— Моя кровь чиста.

— По анализам доктора — да. По тем же анализам чисты все испорченные партии. Позвольте мне самой решить, насколько это утешает.

— Что вы собираетесь с ней делать?

— Для начала добавить одну каплю в чистый заменитель и животную кровь. Потом проверить вторым вкусом.

— Нет.

Он сказал это спокойно, без нажима, но Иво перестал раскладывать инструменты. Я тоже не потянулась за ланцетом. Вчера Каэль предложил мне выбрать день его смерти, сегодня запрещал попробовать каплю крови. Возможно, в его представлении это не было противоречием. Смерть позволяла сохранить тайны, а второй вкус — нет.

— Почему?

— Вампирская кровь несёт чувство сильнее человеческой. Иногда образ. Вы и без того использовали дар слишком часто.

— Откуда вы знаете, сколько для меня слишком часто?

— Вы третий раз касаетесь языком одного и того же зуба. Онемение не прошло.

Я опустила руку, только тогда заметив, что действительно тёрла подбородок. Каэль следил не за иглами и не за Иво, а за мной. Внимательно, без той горячей рассеянности, с которой голодный хищник смотрит на еду. Это почему-то разозлило сильнее, чем приказ.

— Если хотите нанять специалиста, придётся смириться, что он иногда понимает риск своей работы лучше вас.

— Вам заплатили за работу. Это не означает, что я могу требовать от вас вредить себе.

— Не подменяйте разговор. Кормить вас собой я не предлагаю.

— Пока нет, — произнёс Каэль.

В лаборатории стало тихо. Иво отвёл глаза к инструментам, и это было хуже любого многозначительного взгляда. Я почувствовала, как теплеет лицо, но отступить не собиралась.

— Если дойдёт до такого опыта, условия назову я. Сейчас мне нужна капля из пальца, а не семейная гробница и клятва на вечность. Вы можете отказаться. Тогда я запишу, что исследование остановлено по вашей воле, и займусь тем, чем вы нанимали меня изначально: буду считать дни.

Каэль смотрел ещё несколько секунд. Потом снял правую перчатку. Кисть оказалась худой, с выступающими суставами и сероватыми ногтевыми ложами. Дрожь теперь не скрывала ткань. Пальцы едва заметно ходили из стороны в сторону, и Каэль прижал ладонь к столу, будто это могло выдать движение за обычное напряжение.

— Одна проба, — сказал он. — Если вам станет плохо, прекращаем.

— Если мне станет плохо, доктор решит, прекращаем ли мы. Вы в этот момент будете объектом исследования.

— Благодарю, — вмешался Иво. — Я ждал сорок два года, чтобы кто-нибудь официально лишил его права распоряжаться всем в комнате.

Каэль протянул руку врачу. Ланцет вошёл в подушечку пальца с сухим хрустом, словно прокололи очень тонкую скорлупу. Кровь выступила не сразу. Она была темнее человеческой, почти чёрной в середине капли, а по краю отливала густым багрянцем. Иво собрал её в три узкие стеклянные трубки. Запах пришёл позднее — холодное железо, мокрый камень и та горечь, которую я не смогла определить при первой встрече с Каэлем. Теперь поняла: так пахла долгая жажда.

Мы начали с чистого заменителя. В первую чашу Иво добавил обычный реактив, во вторую — каплю крови Каэля, третью оставил нетронутой. Ни цвет, ни запах не изменились. Кристалл во всех трёх оставался прозрачным. Затем доктор повторил опыт с животной кровью. Снова ничего.

— Все анализы чисты, — сказал Иво. На этот раз признание прозвучало не как защита собственной работы, а почти как просьба найти ошибку там, где он её не видел.

Я взяла стеклянную иглу и коснулась нетронутого заменителя. Отвратительная сладкая жирность, свёкла, железо. Следом попробовала смесь с кровью Каэля.

Холод раскрылся под языком раньше, чем я успела убрать иглу. Не слабый след из донорского флакона, а резкая ледяная боль, будто между зубами раздавили крупицу соли. Вместе с ней пришёл голод. На один удар сердца лаборатория изменилась: я услышала кровь Иво в висках, тёплое дыхание за своей спиной, шорох ткани на запястье Каэля. Желудок свело так сильно, что я согнулась над чашей и выплюнула пробу. Это был не мой голод — слишком пустой, слишком злой, не имевший ничего общего с обычным желанием съесть хлеб или мясо. Он не обещал сытости. Только следующий глоток.

Иво подхватил меня под локоть и сунул стакан с настоем. Я полоскала рот, пока ледяные иглы не вышли из дёсен, а звуки чужих сердец снова не стали просто звуками. Каэль стоял у стола. Обнажённая рука была сжата в кулак, капля на пальце размазалась по коже. Глаза потемнели почти до чёрного.

— Достаточно, — сказал он.

— Для вас — возможно.

Я выпрямилась. Ноги ещё дрожали, зато язык снова принадлежал мне. Во второй чаше чистый заменитель стал носителем того же привкуса, которого минуту назад в нём не было. Пепельная соль не пришла извне. Она проснулась после соприкосновения с кровью Каэля.

— Теперь животную, — попросила я.

— Нет, — повторил он.

— Я уже знаю, чего ожидать.

— Именно поэтому нет.

— Ваша светлость, — Иво не повысил голос, но в нём исчезла обычная насмешка. — Если она остановится сейчас, мы всё равно повторим опыт. Завтра или через день. Только к следующему разу у тебя может начаться приступ.

Каэль повернул голову к нему. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и в этом молчании чувствовался старый спор, продолжавшийся задолго до моего появления. Наконец герцог разжал руку и отступил от стола.

— Один раз.

В животной крови реакция оказалась слабее, но пепельный холод возник снова. Значит, дело было не в составе заменителя и не в человеческой памяти донора. Любая жидкость, способная хотя бы ненадолго поддержать вампирское тело, будила то, что уже находилось в нём. Я записала результаты, перечитала и зачеркнула слово «заражение». Оно подразумевало один источник, который можно перекрыть. Здесь же Каэль сам стал источником для каждой следующей пробы.

— Нужна чистая кровь без смеси, — сказала я.

Иво ничего не ответил. Каэль надел перчатку, медленно расправил каждый палец и застегнул пуговицу на запястье.

— Вы только что почувствовали достаточно.

— Я почувствовала реакцию. Не причину. Если соль накопилась в вашей крови, чистая проба это покажет. Если нет, мы вернёмся к поставкам и будем искать общий путь.

— А если вместе с ней вы увидите что-то ещё?

Вопрос прозвучал слишком ровно. Я вспомнила слова о чувствах и образах. У человеческой крови примесь оставляла чужую тревогу, иногда обрывок памяти. В крови вампира, прожившего больше века, могло оказаться что угодно. Каэль боялся не того, что мне станет больно. Он боялся, что я узнаю нечто, после чего работа закончится сама.

— Тогда постараюсь не перепутать улику с исповедью, — сказала я. — И не стану спрашивать о том, что не относится к отравлению.

Он не согласился. Просто перестал запрещать. Иво приготовил нейтрализатор, поставил рядом таз и велел мне сесть. Я коснулась стеклянной иглой капли в первой трубке. Кровь Каэля держалась на кончике плотной чёрно-красной бусиной, не стекала. От неё пахло железом и камнем после дождя. Я проверила, что дверь открыта, Иво рядом, а герцог находится по другую сторону стола, и только потом коснулась иглой языка.

Первым пришёл не вкус, а тишина. Глухая, тяжёлая, как в комнате под землёй, где стены слишком толсты, чтобы слышать собственный крик. Затем сердце ударило один раз — медленно, с болью — и по дёснам разошёлся знакомый холод. Он лежал не отдельной примесью и не тонкой связанной нитью. Пепельная соль осела в крови слоями, вплелась в неё так глубоко, что второй вкус уже не различал, где заканчивается яд и начинается тело. За холодом поднялась чужая жажда, но теперь я была готова и успела отнять иглу прежде, чем она заставила меня вдохнуть запах Иво как запах еды.

Я выплюнула кровь, прополоскала рот и долго смотрела на прозрачную трубку. Обычный анализ искал вещество, которое можно отделить. Здесь отделять пришлось бы от самого Каэля. Мы искали виновника среди поставщиков, складов, пробок и чаш, а он всё это время носил главную улику в собственных венах.

— Ну? — спросил Иво, когда молчание стало невыносимым даже для него.

Каэль не спросил ничего. Он стоял неподвижно, будто заранее услышал ответ и теперь лишь ждал, хватит ли мне жестокости произнести его без украшений. Я поставила трубку на подставку и закрыла футляр с иглами, чтобы занять руки.

— Пепельная соль в его крови, — сказала я. — Не след и не остаток одной дозы. Она накопилась. Поэтому чистые заменители не помогают, поэтому животная кровь только откладывает приступ и поэтому ваши анализы ничего не показывают: яд уже связан с ним. Каждый

раз, когда Каэль пытается насытиться, он не просто получает новую порцию. Он будит ту, что находится внутри.

Иво медленно опустился на стул. Каэль остался стоять, и лишь пальцы в перчатке снова начали дрожать. Теперь он не спрятал их за спиной. За окном день становился светлее, серый камень лаборатории проступал резче, а на столе между нами темнели три совершенно чистые чаши. Впервые за год у болезни появилось объяснение, но оно не обещало лечения. Оно означало, что герцога не просто кормили отравленной кровью. Его самого превратили в яд, который с каждым глотком травил себя заново.

Глава 4. Правила кормления

После двух часов сна язык всё ещё казался чужим: толстым и бесполезным, как одолженная на похороны шляпа. За завтраком я не различила масло на булке, зато почувствовала в чае тревогу служанки. Наверное, в Доме Девяти Окон уже знали, что хозяин носит яд в собственной крови. В больших домах новости просачиваются через щели, впитываются в ковры и к утру стоят за спиной у каждой горничной. Я попробовала чай ещё раз и поняла, что тревога была во мне. Второй вкус не выключился после лаборатории и цеплялся за обычные ощущения, как репей за юбку.

На столе лежал лист, исписанный за ночь. Результаты опытов постепенно сменялись мыслями всё менее научными: «Не пробовать кровь натошак». «Не верить пациенту, если он говорит, что контролирует приступ». «Не стоять между вампиром и дверью». Вчера перед чистой пробой я проверила выход почти машинально. Разумность, проявившаяся случайно, не внушает доверия, поэтому теперь я собиралась превратить её в правило.

Я переписала записи набело, оставив четыре коротких пункта, и спустилась на первый этаж. Оделия ждала в коридоре с таким видом, словно лично назначила мне время и была недовольна опозданием. На поясе у неё висели ключи; сегодня их оказалось больше обычного, хотя, возможно, после ночи в этом доме я просто стала внимательнее к металлу.

— Его светлость в малой столовой, — сообщила она. — Доктор тоже там. Они спорят, можно ли считать бульон едой, если от него тошнит ещё до первой ложки.

— И кто побеждает?

— Пока ковёр. На него ещё ничего не вылили.

Она повернулась, но я не пошла следом. В конце коридора темнела западная лестница. Днём железная решётка стояла открытой, и за ней были видны ступени из почти чёрного, влажного по краям камня.

— Оделия, сколько выходов из лаборатории?

— Дверь и окно в сад, которое с прошлой осени не открывается.

— Значит, один. А из кабинета герцога?

— Два, если считать библиотеку. Три, если госпожа Восс умеет падать со второго этажа и сохранять достоинство.

Оделия не улыбнулась, но связка ключей в её руке перестала звенеть. Она сняла с кольца маленький латунный ключ с квадратной головкой и протянула мне.

— От двери из библиотеки в зимний сад. Засов тугой, толкать плечом. Западной лестницей после заката не пользуйтесь.

— Почему?

— В этом доме хороший ответ иногда появляется позже, чем необходимость его послушаться.

Я взяла тёплый от её ладони ключ. Спрашивать дальше означало получить ещё одну безупречно вежливую стену. Оделия не лгала, она лишь выбирала, какую часть правды позволить мне пережить сегодня.

В малой столовой пахло мясным бульоном, горелым розмарином и раздражением Иво. Доктор сидел боком к столу, обхватив ладонями кружку, хотя не пил. Каэль находился напротив окна. Перед ним стояла нетронутая тарелка, а рядом — стакан воды. В утреннем свете его лицо стало ещё худее; кожа у висков натянулась так, что тонкая синяя жилка проступала до линии волос. Он поднялся при моём появлении, и я остановилась у двери.

— Сядьте обратно, — сказала я. — И переставьте кресло.

Каэль посмотрел сначала на меня, затем на кресло, будто допускал, что за ночь оно совершило преступление.

— Куда?

— Дальше от двери. Я буду сидеть здесь.

Иво заглянул в свою кружку.

— Наконец-то утро приобрело смысл.

— Вы можете выйти, — предложил Каэль.

— Не могу. Госпожа Восс принесла бумагу, а значит, собирается отнять у тебя права или привычку вести себя как идиот. Я хочу это видеть.

Каэль без спора передвинул кресло к окну. Тяжёлая мебель скользнула по ковру, словно пустая. Я села ближе к выходу и прижала лист чернильницей, потому что рука дрожала после опытов. Вампир заметил это, однако не спросил, прошло ли онемение. Иногда его сдержанность раздражала сильнее чужой назойливости.

— До следующего опыта нам нужны правила, — начала я. — Не пожелания, не ваше дворянское слово и не уверения доктора, что он держит под столом серебряный молоток. Порядок, который будет выполнять все.

— Молоток в лаборатории, — уточнил Иво. — Под столом только ноги. Они тоже полезны, но против его светлости недостаточно тяжёлые.

— Первое: я не остаюсь с герцогом в помещении, откуда не могу выйти без чужой помощи. Дверь не запирают. Выход не загораживают ни мебелью, ни слугами, ни самим герцогом. Если опыт проходит внизу, ключ всё время находится у меня.

Каэль прочёл пункт, не касаясь листа.

— Согласен.

— Так быстро?

— Вы ожидали торга за право запереть вас рядом с голодным вампиром?

— Я работала с аристократами. У меня низкие ожидания.

— И спорно крепкий желудок.

Иво кашлянул, скрывая смех. Каэль не улыбался, но в бордовых глазах появилось редкое тёплое движение. Я напредила себе, что надгробные фигуры не слышат пульс через стол и не могут выпить собеседника, если разговор пойдёт неудачно.

— Второе, — продолжила я. — Вы не скрываете приближение приступа. Ни от Иво, ни от меня. Бессонница, изменение запахов, дрожь, провалы в памяти, движение тени — всё, что случалось раньше. Не решаете сами, что симптом незначительный, чтобы не отвлекать нас от работы.

Уголок рта Каэля опустился.

— Иво перечислил вам признаки?

— Не все. Про тень я нашла в его записях.

— Вы читали мои журналы без меня? — доктор возмутился с таким достоинством, будто вчера не оставил их открытыми на столе рядом с печеньем.

— Я читала страницы, лежавшие сверху. Если у врача тайны, он не прижимает ими сахарницу.

Каэль провёл большим пальцем по краю перчатки. За его креслом лежала тень от оконной рамы: ровная, длинная, совершенно обычная. Я задержала на ней взгляд на секунду дольше, чем нужно.

— Я могу не заметить начало, — сказал он. — Во время последних приступов порядок событий менялся.

— Тогда сообщаете о том, что заметили. И разрешаете слугам сообщать за вас.

— Слугам не нужно наблюдать за мной.

— Они уже наблюдают. Только сейчас боятся говорить. Ваша горничная утром едва не разбила чашку от одного моего взгляда.

— У меня нет горничной.

— Тогда чужая горничная боится вас из общего усердия. Это ещё хуже.

Оделия вошла без стука, но ключи предупредили о ней заранее. Поставив передо мной булку, она прочла лист вверх ногами.

— Слуги будут сообщать мне, — сказала она. — Я решу, когда звать доктора. И ни один из них не обязан приближаться к его светлости, чтобы проверить цвет глаз.

— Согласен, — повторил Каэль.

Домоправительница кивнула, словно это она принимала условия, и отошла к стене. Я подозревала, что теперь из столовой её не выгонит даже пожар.

— Третье: вы не касаетесь меня без разрешения. Даже если я падаю, теряю сознание или делаю нечто, что кажется вам опасным. Сначала спрашиваете. Если я не могу ответить, меня подхватывает Иво или Оделия.

На этот раз тишина продержалась дольше. Не потому, что Каэль собирался спорить. Он смотрел на слова, и голод на его лице стал заметнее — не звериный, не горячий, а усталый. Будто этот пункт напомнил ему не о прикосновении, которого он хотел, а о том, которое когда-то не сумел остановить.

— Если вы окажетесь в непосредственной опасности, ожидание ответа может вам повредить.

— Вы вчера стояли в двух шагах, пока Иво помогал мне. Значит, умеете отличать опасность от желания всё контролировать.

— Вчера рядом был Иво.

— Поэтому во время опытов рядом будет кто-то ещё. Это часть первого пункта.

Он поднял взгляд. Я выдержала его, хотя сердце зачем-то решило стучать громче. За последние сутки Каэль несколько раз остановился там, где другой человек с его властью счёл бы остановку унижением. Я не собиралась награждать его за порядочность, но тело не интересовалось принципами. Оно замечало голос, руки в чёрных перчатках и то, как он отодвинул кресло, не потребовав объяснений.

— Согласен, — сказал Каэль. — Если вы не можете ответить, я касаюсь вас только тогда, когда никто другой не успеет помочь.

— Нет. Вы только что добавили удобную щель.

— Я добавил падающую вам на голову люстру.

— В вашем доме люстры часто падают на нанятых специалистов?

— До вашего приезда — ни разу. Теперь я не уверен, что дом выдержит.

Оделия тихо поставила сахарницу, которую держала в руках. Каэль посмотрел на неё и первым отвёл глаза.

— Хорошо, — сказал он. — Без исключений.

— Если люстра всё же упадёт, — вмешался Иво, — я засвидетельствую, что госпожа Восс погибла с безупречными границами.

— А я буду являться вам по ночам и переставлять реактивы.

— Тогда я спасу вас лично.

Я взяла перо, пряча улыбку. В доме, где хозяин медленно превращался в собственный яд, мы спорили о падающей люстре, будто имели право на обычное утро.

— Четвёртое, — сказала я, когда Иво перестал ухмыляться. — Никакого кормления ради исследования без отдельного согласия. Моего, если речь обо мне; донора, если о ком-то другом. Подпись под договором о работе не считается. Вчерашнее согласие не считается. Согласие, данное до того, как станет понятен риск, не считается. Каждый опыт обсуждается заново, и любой участник может остановить его без объяснений.

За окном ветка провела по стеклу с тонким скребущим звуком. Пальцы Каэля сжались на подлокотнике, затем разжались.

— В договоре уже есть положение о добровольном донорстве.

— В договорах много прекрасных положений. Гильдия тоже обещала защищать дегустаторов, пока один из них не назвал яд ядом перед неудобными людьми. Я предпочитаю правило, которое можно произнести вслух.

— Вы полагаете, я заставлю вас кормить меня?

— Голодный человек способен убедить себя в чём угодно. Вампир — тем более. А я могу согласиться из жалости, страха или желания доказать свою полезность, а потом ненавидеть за это нас обоих. Поэтому согласие должно быть отдельным от работы, не наградой и не платой за вашу жизнь.

Последние слова вышли жёстче, чем я хотела. Иво перестал вертеть кружку. Оделия смотрела не на меня, а на Каэля. Он сидел очень прямо, только бордовые радужки стали темнее.

— Согласен, — сказал он. — И это правило относится ко мне тоже. Вы не предлагаете кровь во время приступа, даже если я прошу. Особенно если прошу.

— Если вы способны попросить, значит, ещё способны услышать отказ.

— Не всегда.

Каэль протянул руку к листу, но остановил пальцы возле моей ладони. Я убрала руку сама. Он развернул бумагу и ниже четвёртого пункта написал несколько строк узким, тесным почерком.

— Моё условие, — произнёс он. — Если глаза побелеют, вы уходите. Не зовёте меня, не пытаетесь привести в чувство, не становитесь между мной и другим человеком. Бежите к ближайшей открытой двери. Помощь зовёте только после того, как окажетесь за запертой преградой.

Я прочла дважды. Формулировка не оставляла той удобной щели, за которую он только что торговался.

— А если рядом Оделия или Иво?

— Они знают, что делать.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я дам.

Иво отвернулся к окну. Оделия опустила глаза, и её пальцы легли на ключи. Оба знали больше. Оба молчали не из страха перед герцогом, а потому что однажды уже видели белые глаза и теперь не желали описывать увиденное за столом, рядом с остывшим бульоном.

— Я не стану геройствовать, — сказала я. — Но оставлю за собой право, выбравшись, привести врача и людей, способных вас удержать.

— Если к тому времени останется кого удерживать.

— Не начинайте опять планировать собственную казнь. Утро и без того затянулось.

Каэль поставил перо. Между нами возникло то же молчание, что вчера перед каплей его крови: не близость, а узкая полоса земли, на которую оба ступили, потому что отступить было хуже.

— Хорошо, Мирена, — сказал он, впервые назвав меня без титула. — Приведёте врача. Но сначала убежите.

Я должна была поправить его: «госпожа Восс». Вместо этого взяла лист, посыпала свежие строки песком и подумала, что имя в его голосе звучит опаснее любого нарушения правил.

В лабораторию мы вернулись после полудня. Иво составил план на ближайшие три дня: сравнить старые партии, поднять записи о первых приступах и найти способ отделить связанную соль, не отделяя заодно всё остальное, что требовалось Каэлю для жизни. Последняя задача занимала одну строчку и выглядела неприлично просто. Язык по-прежнему плохо чувствовал вкус, поэтому сегодня мне запретили пробовать даже яблочное повидло. Иво выдал увеличительное стекло, тряпку и право ругаться на почерк прежних врачей.

Архив занимал два шкафа и сундук для того, что не поместилось. Журналы Каэля стояли по годам, отчёты поставщиков — по печатям, а заметки дегустаторов оказались между

расходами на свечи и перечнем разбитой посуды. Первый автор описывал кровь словом «приемлемо» и считал это научным заключением. Второй отмечал температуру, запах, состояние донора и реакцию Каэля. Записи обрывались девять месяцев назад.

— Кто работал до меня? — спросила я, сдувая пыль с кожаного корешка.

Иво слишком долго подбирал пробирки на другом конце стола.

— Дегустатор из столицы. Опытный. Он провёл здесь шесть дней и уехал до рассвета, не потребовав остаток платы.

— Имя?

— Вам оно ничего не даст.

— Доктор, если хотите скрыть человека, не рассказывайте, что он уехал до рассвета. Теперь я всё равно найду имя и заодно решу, что он был вашим любовником.

Иво обернулся.

— Лесс Арден. Семьдесят три года, четыре внука и привычка смачивать палец перед каждой страницей. Наш роман не пережил бы первого архива.

— Что его напугало?

— Он не сказал. На пятый день попробовал кровь Каэля. На шестой отказался войти в лабораторию, а ночью попросил экипаж. Я решил, что второй вкус показал ему приступ. Такое уже случалось с дегустаторами: чужой голод остаётся в голове дольше, чем на языке.

— И вы просто позволили ему уехать?

— Я не держу людей силой.

В словах прозвучала усталость, не защита. Почерк Ардена на последних страницах портился, строки сползали вниз. Он пробовал те же партии и ничего не нашёл. Затем трижды подчеркнул: «После смещения чистый заменитель меняет послевкусие». Ниже стояли почти наши вчерашние пропорции.

— Он тоже понял, что примесь в крови Каэля.

Иво подошёл и прочёл через моё плечо, не касаясь меня.

— Этой записи не было в журналах.

— Потому что это не журнал. Тетрадь без номера.

Тонкая тетрадь была задвинута за переплёт расходов. Я разделила слипшиеся листы ножом. На предпоследнем Арден описывал чистую пробу: «слои соли», «голод без насыщения», «тишина под землёй». Ниже начиналось: «Причина удержания может находиться не в крови, а...»

Дальше бумаги не было.

Последнюю страницу вырвали у корешка. На соседнем листе отпечаталось несколько букв, но без порошка их было не разобрать. Пыль лежала на обложке, а шероховатый обрыв оставался светлее — не свежий, но и не девятимесячный.

— Вы знали об этой тетради? — спросила я.

— Нет.

— Каэль?

— Если бы знал, отдал бы мне. Он скрывает то, что считает своим позором, но не сведения, от которых зависит чужая безопасность.

Это прозвучало слишком уверенно для человека, который утром признал, что пациент утаивает приступы. Я закрыла тетрадь и положила ладонь сверху.

— Значит, кто-то нашёл записи после отъезда Ардена, вырвал последнюю страницу и спрятал остальное так, чтобы при обычной проверке не заметили.

— Или сам Арден вырвал её перед отъездом.

— Тогда зачем оставил страницу с тем же открытием? Он испугался не пепельной соли. Он испугался того, что написал после.

Иво смотрел на обрыв. За стеной пробили часы, по лаборатории разошёлся звон стекла. Вчера мы получили объяснение болезни. Сегодня выяснилось, что другой дегустатор пришёл к нему раньше — и предпочёл бежать, оставив самое важное неизвестно кому.

— Тетрадь пока останется у меня, — сказала я.

— По вашим же правилам вы не должны хранить опасную улику в спальне.

— Это правило вы только что придумали.

— Я быстро учусь.

Мы заперли тетрадь в ящике лабораторного стола. Один ключ забрал Иво, второй я повесила под платье. Носить улику там было неудобно, зато вор сначала столкнулся бы с третьим пунктом наших правил.

Ночью Дом Девяти Окон не затихал, а менял набор звуков. После полуночи в стенах шевелилась вода, ветер давил на ставни, старые балки стонали под крышей. Я пыталась отличить столетний дом от дома, где вампир приготовил комнату для собственного безумия. Бесполезно: балки и дурные предчувствия скрипят одинаково.

Тетрадь Ардена не давала уснуть. Я знала описанную им тишину: она пришла с кровью Каэля, тяжёлая, слишком настоящая для метафоры. Возможно, Арден увидел воспоминание о подземной комнате и потому уехал без денег. После таких мыслей человек либо укрывается одеялом, либо идёт проверять дверь. Благоразумие в последнее время появлялось у меня случайно и быстро уходило.

Я надела халат, сунула ноги в туфли и взяла подсвечник. Латунный ключ Оделии лежал на столике. Следовало оставить его там: она запретила западную лестницу после заката, а я утром согласилась не оказываться рядом с Каэлем без открытого выхода. Но запрет и правило — разные вещи. Правило объясняло опасность. Запрет только чесался в голове, пока его не нарушишь.

В коридоре было холоднее, чем в спальне. Пламя свечи клонилось к стене, хотя окна стояли закрытыми. Я прошла мимо библиотеки, проверила дверь в зимний сад и убедилась, что ключ подходит. Засов действительно оказался тугим; пришлось надавить плечом, прежде чем он сдался. За стеклянными дверями сада белели укрытые полотном кусты, пахло сырой землёй. Выход был. Это немного успокоило ту часть меня, которая составляла правила, и нисколько — ту, которая уже слышала слабый скрежет.

Сначала я решила, что ветка царапает окно. Звук тянулся, прерывался, начинался снова: медленно, с нажимом, будто острым ногтем вели по камню. Он шёл не из сада. Из-за стены у западной лестницы.

Решётка, открытая днём, теперь была заперта. За ней ступени уходили вниз, и свеча не доставала до конца. Я поднесла её ближе. На нижней площадке виднелась обитая железом дверь без ручки с этой стороны. Царапанье доносилось из-за неё.

— Иво? — позвала я негромко.

Звук оборвался. В доме что-то щёлкнуло, вода прошла по трубе, а затем за железной дверью провели по камню ещё раз — короче и ближе. Я сжала подсвечник обеими руками. Если внизу был человек, он не ответил. Если не человек, знакомиться через запертую решётку всё равно казалось разумнее.

— Кто там?

Три царапающих движения последовали одно за другим. Не стук, не просьба открыть. Ноготь скользил по стене, возвращался и снова находил то же место. Свеча дрогнула, горячий воск пролился на пальцы, но боли я почти не почувствовала. Из темноты снизу потянуло

холодным камнем и ещё чем-то едва знакомым — не запахом даже, а пустотой во рту, которую оставляла кровь Каэля.

На верхнем этаже открылась дверь. Я резко обернулась. По галерее прошёл свет второй свечи, и через несколько мгновений на площадке появился Каэль. Он был без сюртука и перчаток, в тёмной рубашке с расстёгнутым воротом; чёрные волосы лежали на лбу, словно он только что поднялся с постели. Между нами оставался целый лестничный пролёт. Его глаза в свете свечи были тёмно-бордовыми, не белыми. Живой Каэль стоял этажом выше, смотрел на меня — и в тот же миг за запертой дверью внизу кто-то снова медленно провёл когтем по камню.

— Отойдите от решётки, — сказал он. Голос прозвучал тихо, но пальцы на перилах сжались так сильно, что дерево жалобно хрустнуло.

— Что находится в комнате?

— Ничего, что вы должны видеть ночью.

— Прекрасно. Утром оценю, насколько содержимое изменится при дневном освещении.

Каэль начал спускаться, затем остановился, будто вспомнил мой первый пункт. Не подошёл, не перекрыл коридор. Только повернул ладонь вверх, показывая, что руки пусты.

— Мирена, идите в библиотеку. Закройте дверь и позовите Оделию.

За решёткой стало тихо. Настолько тихо, что я услышала собственный пульс и второй, более редкий, со стороны лестницы. Каэль находился передо мной; я видела, как под открытым воротом медленно поднимается его грудь. Тогда снизу раздался новый скрежет — длинный, терпеливый, почти ласковый. Он шёл вдоль камня, поднимаясь выше, словно то, что сидело за дверью, уже знало дорогу к решётке. Я отступила к библиотеке, не сводя глаз с Каэля, а он смотрел не на дверь и не на меня, а на собственную тень, которая лежала на ступенях между нами и при каждом движении свечи казалась на одно мгновение слишком медленной.

Глава 5. Чужая память на языке

Каэль смотрел на собственную тень так, как люди смотрят на руку, внезапно взявшую нож без их ведома. Она лежала на ступенях ровно, повторяла его неподвижную фигуру и только по краям вздрагивала не в такт пламени. За железной дверью снова царапнули камень. Каэль медленно отнял ладонь от перил, и его пальцы оказались пустыми, бледными, с чуть потемневшими ногтями. Не когти. Пока не когти.

— В библиотеку, Мирена, — повторил он. — Сейчас.

— Я уже возле неё. Выход в зимний сад открыт, дверь за спиной. Первый пункт соблюлён.

— Вы нашли самое неудобное применение собственным правилам.

— Иначе они были бы вашими.

Внизу провели по стене длиннее, с нажимом. Каэль вздрогнул так слабо, что я могла бы принять движение за вдох, если бы его тень не вытянулась на одну ступень вверх, к нему, а потом не сползла обратно. Желудок сжался. Это была не игра света. Пламя моей свечи стояло почти ровно.

Из коридора донёсся торопливый звон ключей. Оделия появилась первой, поверх ночной рубашки на ней было накинуто шерстяное платье, застёгнутое через одну пуговицу. Следом шёл Иво с закрытым фонарём в руке и медицинским футляром под мышкой. Седые волосы доктора торчали так, словно он спал, прижавшись головой к щётке.

— Я просил привести Оделию, — сказал Каэль.

— А Оделия привела того, кто умеет отличать болезнь от дурного характера, — отозвался Иво. — Где она?

Каэль не ответил. Оделия перевела взгляд на лестницу, затем на тень у его ног и сразу поняла вопрос. Лицо домоправительницы не изменилось, но связка в руке перестала звенеть.

— В нижней комнате? — спросила она.

— Похоже на то.

Мне не нравились разговоры, в которых местоимение заменяло существительное лишь потому, что все, кроме меня, знали, насколько оно страшное.

— Кто «она»?

Иво открыл створку фонаря. Внутри горел не обычный фитиль, а кусок солнечного камня в сетке из серебряной проволоки. Бледно-золотой свет разошёлся по коридору без тепла. Тень Каэля дёрнулась. В этот раз увидели все.

— Закройте, — приказал герцог.

— Нет. Если началось без побелевших глаз, мне нужно понять, насколько далеко зашло.

— Рядом Мирена.

— Мирена стоит у открытой двери и, судя по лицу, не уйдёт, пока не получит существительное.

— Доктор учится быстрее вас, — заметила я.

Каэль посмотрел на меня сверху. Голод сделал его скулы резче, но в глазах ещё оставался разум — злой, усталый и слишком хорошо понимающий, что происходит. Он спустился на одну ступень. Тень не двинулась. Ещё на одну — и тогда чёрное пятно на камне потянулось следом, запоздав на целый удар сердца.

— У ночнорождённых при долгом голоде тень отделяется от тела, — сказал он. — Сначала во время приступов. Потом раньше.

— И начинает царапаться из запертой комнаты, пока хозяин спит этажом выше?

— Обычно нет.

— Удивительно, как часто рядом с вами звучит это слово.

Оделия открыла решётку. Каэль тут же остановил её движением руки.

— Нижнюю дверь не трогать.

— Она заперта снаружи, — сказала домоправительница. — Ключ у меня.

— Ей не нужен ключ.

Слова успели прозвучать прежде, чем из-под дальней двери показалось что-то чёрное. Не дым и не жидкость. Узкая полоса прижалась к камню и поползла вверх по стене, меняя форму там, где свет фонаря задевал её краем. На миг она стала похожа на человеческую кисть с очень длинными пальцами. Кончики согнулись, вошли в щель между камнями и протянулись вперёд. Раздался тот самый скрежет. На стене остались четыре светлые борозды, будто по ней прошлись настоящими когтями.

Оделия захлопнула решётку, хотя железо вряд ли могло удержать то, что просачивалось под дверью. Иво поднял фонарь выше. Чёрная кисть сжалась, поползла назад, затем вдруг рванулась не вниз, а к Каэлю. Я успела отступить в библиотеку и выставить подсвечник перед собой — глупое оружие, зато горячее. Тень скользнула по ступеням, обвила его босые ноги и исчезла в пятне за спиной. Каэль согнулся, будто получил удар под рёбра, упёрся ладонью в стену и несколько секунд не дышал. Когда выпрямился, его тень снова повторяла каждое движение. Слишком точно.

— Так вот кто там был, — сказала я. Голос прозвучал спокойно, чему я не поверила. — Часть вас.

— Худшая, — отозвался Каэль.

— Не льстите остальному.

Иво закрыл фонарь и подошёл к герцогу, но не ближе вытянутой руки. Посмотрел на глаза, ногти, заставил показать зубы. Каэль подчинился без возражений. Клыки были длиннее, чем утром, но челюсть сохраняла человеческую форму.

— Когда ты уснул? — спросил доктор.

— Около часа назад. Проснулся, когда она нашла дверь.

— Ты раньше чувствовал, куда уходит тень?

— Во время приступа я почти ничего не чувствую, кроме голода.

Иво присел у ступени и провёл пальцами в вершке от чёрного силуэта. Каэль двигал рукой — тень слушалась. На первый взгляд. Доктор выругался вполголоса и поднялся.

— До сих пор она отделялась только после глаз. Теперь ушла во сне, пока радужки не изменились. Это не просто следующий признак. Порядок распадается.

— Вы говорили о месяце, — напомнила я.

— Я говорил о промежутках между приступами. У меня не было случая, когда тень начала жить отдельно в спокойном состоянии.

— Теперь есть. Поздравляю с расширением практики.

Шутка вышла слабой, но Иво не стал притворяться, что она лучше. Каэль всё ещё стоял у стены. Возле ключицы под распахнутым воротом билось сердце — медленно и тяжело. Мне хотелось подойти, проверить пульс самой, понять, чувствует ли он возвращение тени как боль. Третий пункт удержал лучше страха. Иногда правило нужно не для того, чтобы защититься от чудовища, а чтобы не выдать собственную глупость.

— Вы уедете утром, — сказал Каэль.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда зря вы сегодня подписали бумагу, где признали моё право остановить любой опыт. Работу я тоже могу остановить сама, а не по вашему удобству. Утром решим, что делать дальше.

— Дальше она найдёт не дверь.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что речь не о тени. Каэль уже видел последовательность: отдельная чёрная кисть, белые глаза, чужое горло. В его представлении между ними не было места для лекарства, ошибки врача или упрямой дегустаторши. Только время.

— Тогда перестаньте тратить это время на попытки выставить меня за ворота, — сказала я. — Оделия, в доме есть комната без теней?

Домоправительница медленно кивнула на фонарь Иво.

— При солнечном камне тень почти исчезает. Но его свет причиняет ночнорождённым боль.

— Терпимую, — отрезал Каэль.

— Разумеется, — сказал Иво. — В этом доме всё терпимо, пока пациент способен произнести слово. Сегодня ты спишь в лечебной. Фонарь останется за ширмой, я — у двери. Оделия, закройте нижнюю комнату вторым замком. Госпожа Восс возвращается к себе и обрабатывает ожог.

Только тогда я заметила застывший воск на пальцах. Кожа покраснела, на указательном наливался пузырь. Оделия взяла меня под локоть и повела в коридор с такой мягкой непреклонностью, что спорить означало бы вывернуть руку. Перед дверью я обернулась. Каэль всё ещё стоял на лестнице; тень прижималась к его ногам, чёрная и послушная, но он не сводил с неё взгляда. Видимо, тоже не верил.

Утром на камне насчитали тридцать семь борозд. Некоторые были неглубокими, другие вошли в стену на толщину ногтя. Иво снял слепок, Оделия запретила слугам пользоваться западным коридором, Каэль проспал чуть больше часа под светом солнечного камня и явился в лабораторию одетым так безупречно, словно бессонница была проступком, который можно скрыть высоким воротником. Только перчатки он застегнул неверно: одна пуговица осталась свободной.

Я сидела у открытой двери и разбирала архивные описи. После ночи буквы расплывались, стоило задержать взгляд, а язык по-прежнему чувствовал обычную еду через раз. Иво объявил это временным онемением и поставил рядом тарелку с яблочным пирогом для проверки. Пирог пах корицей, кислой начинкой и подрумяненным маслом. Мать по рыночным дням пекла почти такой же, только делала тесто толще и всегда пережаривала левый край. В детстве я считала эту корку лучшей частью и обижалась, если отец успевал отломить её первым.

— Сначала работа, — сказала я, накрывая тарелку салфеткой.

— Первый признак неизлечимой болезни, — заметил Иво. — Вы добровольно отказываетесь от пирога.

— Я откладываю. У меня есть сила воли.

— Вы вчера ночью пошли на звук когтей в подземелье.

— Сила воли у меня избирательная.

Каэль остановился у дальнего края стола. Его тень была ровной. При дневном свете это успокаивало ещё меньше: теперь я знала, что послушание чёрного пятна ничего не доказывает.

— Я распорядился приготовить экипаж, — сказал он.

— А я распорядилась им не пользоваться.

— Вы не поговорили с кучером.

— Зато поговорила с Оделией. В этом доме она важнее кучера и, подозреваю, герцога.

— Правильное подозрение, — отозвалась домоправительница из коридора. Она не вошла, но звяканье ключей напоминало: мы не одни. — Экипаж подадут только по просьбе госпожи Восс.

Каэль прикрыл глаза. Вероятно, сожалел, что за сто семнадцать лет так и не научился увольнять Оделию. Когда посмотрел снова, спорить об отъезде не стал.

— Что вы нашли?

Я развернула опись. В конце нижнего ящика значились шесть архивных флаконов из первой партии, после которой голод перестал проходить даже на несколько часов. Иво сохранил их вопреки предписанию уничтожать остатки через месяц. За это полагался штраф, временное лишение права практики и благодарность от меня, которую доктор счёл самой неприятной частью наказания.

— Партия пришла из Красного дома, — сказала я. — Доноры обозначены номерами. Три флакона пусты, два испорчены временем, один цел.

— Мы проверяли его всеми реактивами, — напомнил Иво. — Чистый, если не считать той дряни, которую чувствуете только вы.

— Вчера тетрадь Ардена оборвалась на причине удержания. Сегодня ночью тень потянуло именно к комнате, которую Каэль использует во время приступов. Возможно, второй вкус покажет, что связывает яд с телом. В старой крови память иногда выступает сильнее состава.

— Именно поэтому вы её не попробуете, — сказал Каэль.

Я ждала запрета и уже приготовила ответ, но он не продолжил. Вместо этого подошёл на два шага ближе, остановившись по другую сторону стола, и положил ладони на камень. Ни приказа, ни попытки забрать флакон.

— Ночью вы увидели, что происходит раньше побелевших глаз, — произнёс он. — Я не могу обещать вам даже тот срок, о котором говорил. Если после этого вы согласитесь на опыт, согласие должно быть дано сейчас, а не вытянуто из вчерашнего решения.

Четвёртый пункт. Он вернул мне мои же слова без насмешки, и оттого отказаться стало труднее, чем если бы Каэль потребовал. Я посмотрела на дверь: открыта. Оделия в коридоре. Иво рядом. Солнечный фонарь на шкафу, заслонка закрыта, но до рычага можно дотянуться за несколько секунд.

— Одна проба, — сказала я. — Не больше капли. Если перестану отвечать на вопросы или назову вас другим именем, Иво прекращает опыт. Вы не приближаетесь, даже если мне станет плохо. Согласие касается только этого флакона и только сейчас.

— Принято.

— И после не отправляете меня домой, пользуясь тем, что у меня кружится голова.

— Это уже шантаж.

— Нет, шантаж начинается словами «у меня есть письма». Это трудовой спор.

Каэль кивнул. Иво достал из архивного футляра маленький флакон. Стекло потемнело от времени, сургуч растрескался, но внутренняя печать оставалась целой. На этикетке значились только номер партии, донор восемьдесят два и дата. Ни имени, ни возраста. По закону анонимность защищала человека от ночнорождённых, которым могла понравиться его кровь. На деле она отлично защищала и тех, кто не хотел объяснять, откуда кровь взялась.

Иво сломал печать. Запах поднялся тяжёлый, железный, с горечью старого сохраняющего настоя. Под ним второй вкус уже различал пепел. Не ледяной и резкий, как в свежей партии, а залежавшийся, похожий на золу в печи на следующее утро.

— Имя? — спросил доктор.

— Мирена Восс.

— Где вы находитесь?

— В лаборатории Дома Девяти Окон, жалею, что не в трактире отца.

— Кто стоит напротив?

— Герцог, который не умеет есть и распоряжаться экипажами.

— Ориентация сохранена, язвительность тоже. Начинайте.

Я набрала кровь стеклянной иглой. Рука не дрожала, пока капля не коснулась языка.

Сначала пришёл вкус ремня. Старая кожа, пропитанная потом, лекарственной горечью и чужой слюной, хотя во рту у меня была кровь. Затем запястья сдавило так сильно, что пальцы сами разжались. Лаборатория побелела.

Не исчезла — её заслонила другая комната. Белые каменные стены, белый кафель на полу, белые занавеси вокруг кресла. Чистота была слишком старательной, как свежая простыня поверх грязного тюфяка. Я лежала или сидела, запрокинув голову. Ремни удерживали грудь, бёдра и руки. Чужое тело дышало быстро, мелко; левое плечо болело от укола, а в сгибе локтя темнела трубка, по которой кровь уходила в стеклянный сосуд.

Я попыталась подняться, но движение принадлежало не мне. Оно осталось внутри воспоминания — слабое, бесполезное. За занавесью звякнул металл.

— Договор разрешает одну сдачу в месяц, — сказал мужской голос. — У этого донора третья за неделю.

— Договор разрешает лечение, — ответила женщина. Голос был низким, спокойным и настолько уверенным, что возражение рядом с ним звучало детской грубостью. — В документах будет лечение.

Белую занавесь отодвинули. Я увидела серебристые волосы, светлое платье и тонкую руку в жемчужно-серой перчатке. Лица не было — чужая голова не могла повернуться из-за кожаной петли на лбу. Женщина подошла к столу, где возле флаконов лежали прозрачные кристаллы с серой сердцевинкой.

— Леди Сабелла, — голос мужчины стал тише, — память уже повреждена. Если взять ещё, он не вспомнит, зачем пришёл.

— Тогда подпишет то, что ему дадут.

Чужой страх ударил в грудь. Воспоминание дёрнулось: белая комната стала кухней, где кто-то смеялся у окна, затем провалилась обратно. Я не успела разглядеть лица. Его уже не было в памяти донора — только тёплое пятно, вырезанное вместе с несколькими годами жизни.

Мужчина взял один кристалл щипцами и опустил в чашу. Сердцевина растаяла серым облаком. Женщина в светлом платье смотрела, как оно расходуется по крови.

— Но если герцог почувствует примесь...

— Не почувствует. Его дегустаторы ищут яд, а не память. К тому времени, когда поймут разницу, он уже передаст дела Совету.

— Его светлость упрям.

Сабелла положила ладонь на край кресла. Чужое тело затряслось под ремнями. Перчатка была совсем близко; от неё пахло холодными цветами и чем-то сладким, испорченным.

— Поэтому герцог должен оставаться голодным.

Белая комната качнулась. Трубка в локте стала толще, потянула за вену. Я почувствовала, как вместе с кровью из чужого тела уходит не сила, а слово — важное, домашнее, связанное с человеком, который смеялся у окна. Донор пытался удержать его, повторить, но рот был стянут ремнём, язык лежал тяжёлый и сухой. Слово выскользнуло. На его месте остался вкус кожи.

Я выплюнула кровь на пол лаборатории и вдохнула так резко, что горло обожгло. Белые стены ещё стояли перед глазами. Кто-то держал меня за плечи; я дёрнулась, ударила локтем и услышала ругань Иво.

— Мирена. Смотрите на меня. Как вас зовут?

— Уберите ремни.

— Здесь нет ремней.

Я опустила глаза. Иво сидел передо мной на корточках, одной рукой поддерживал под спину, второй держал за запястье. Каменный пол был серым. На нём темнела кровь, совсем немного. Каэль стоял у противоположной стены. Он не приблизился, хотя пальцы впились в собственные ладони.

— Мирена Восс, — сказала я. — Дом Девяти Окон. Иво Терн. Каэль Морвен.

— Что вы видели?

Язык ныл, на нём остался привкус ремня и сладковатых цветов. Я рассказала про белую комнату, кресло, трубку, кристалл с серой сердцевинкой. Когда произнесла имя Сабеллы, Каэль стал неподвижным. Не удивлённым — это было бы проще. Он словно закрыл внутри все двери разом.

— Вы уверены, что её называли именно так? — спросил он.

— «Леди Сабелла». Серебристые волосы, светлый голос, перчатки. Если у вас есть ещё одна родственница с таким именем и привычкой привязывать доноров к креслу, сейчас удобное время сообщить.

— Нет.

— Она сказала, что вы передадите дела Совету. И что вы должны оставаться голодным.

Оделия вошла из коридора. Видимо, услышала достаточно: лицо у неё побелело, пальцы сжали ключи так, что металл врезался в кожу.

— Сабелла возглавляет Ночной совет, — сказал Каэль. — После второго приступа она предлагала передать ей управление Донорскими домами до моего выздоровления. Я отказался.

— И продолжили пить то, что приходило из этих домов.

— Поставки проверяли Гильдия, королевский склад и мои люди.

— А дегустаторы искали яд, не память, — повторила я. — Она знала, как устроена проверка.

Каэль посмотрел на целый флакон, будто видел не кровь, а руку тётки, протянутую через год и сотни чужих тел. Гнев у него был тихим. Ни клыков, ни белых глаз — только тень под ногами стала темнее и тонкой полосой потянулась к столу. Иво заметил первым, накрыл фонарь ладонью, но створку не открыл. Каэль сам отступил на шаг, и полоса втянулась обратно.

— Память можно подделать? — спросил он.

— Можно повредить, смешать, закрыть внушением. Создать целую сцену с чужими ощущениями гораздо труднее, чем подменить анализы семи поставщиков. Но я не стану объявлять вашу тётку виновной по одному глотку старой крови.

— Почему?

— Потому что я дегустатор, а не Ночной совет. Мне нужны имя донора, записи Красного дома и тот, кто стоял за занавесью. Желательно живой.

Иво поднялся и закрыл флакон новой пробкой. Оделия вызвалась проверить старые книги поставок. Каэль потребовал, чтобы никто не покидал дом в одиночку, и в этот раз я не спорила: чужая память оставила слишком ясное ощущение ремня на лбу. Белая комната находилась где-то в королевстве, а люди, устроившие её, девять месяцев назад уже сумели добраться до тетради Ардена.

— Сначала проверим, как вернулся обычный вкус, — сказал Иво и протянул тарелку с пирогом.

Я отломил кусок подрумяненного края. Тесто рассыпалось на языке, начинка была тёплой. Я различила кислоту яблок, масло, корицу и слишком много гвоздики. Всё на месте. Доктор ждал ответа, Каэль стоял у стены, Оделия уже листала опись, поэтому я привычно потянулась к памяти о мамином пироге — моём любимом, с толстой коркой и пережаренным левым краем, — чтобы сравнить.

Я увидела кухню. Мать у печи, муку на её локте, отца, который тянется к противню и получает полотенцем по пальцам. Помнила, как прятала кусок под салфеткой, чтобы съесть холодным ночью, помнила хруст корки и липкую начинку на подбородке. Но вкуса не было. Ни яблок, ни теста, ни корицы — пустое место, аккуратно вырезанное из моей жизни, пока чужая белая комната, ремень во рту и сладкие цветы Сабеллы оставались во мне до последней мерзкой подробности. Я прожевала кусок, сказала Иво, что пирог пересластили, и он удо-

влетворённо забрал тарелку. Никто не заметил лжи. Хороший дегустатор не морщится, когда понимает, что яд уже начал работать.

Глава 6. До первого укуса

К вечеру Дом Девяти Окон научился бояться еды сразу по двум причинам. На кухне Оделия запретила пробовать блюда из общей посуды, в лаборатории Иво пересчитал флаконы с заменителем и объявил, что отныне каждый будет храниться под тремя печатями, двумя замками и его дурным характером. Я держала во рту каплю бурой сладковатой жижи и пыталась понять, действительно ли чувствую мак или лишь помню состав. После яблочного пирога собственная память перестала быть свидетелем, которому я доверяла без вопросов.

— Свёкла, железный порошок, бычий белок, мак и что-то горькое, — сказала я, выплёвывая пробу в чашу. — Полынь?

— Корень синей вербены.

— Тогда вы положили слишком много. Каэль не обязан страдать только потому, что напиток полезный.

— Полезным его назвать может лишь человек, который никогда не пил ничего полезного. Примеси есть?

Я прополоскала рот. Обычный вкус вернулся, если не пытаться сравнивать его с прошлым: вербена горчила, мак сушил нёбо, свёкла была неприлично сладкой. Ни ледяного пепла, ни чужого страха, ни белой комнаты. В крови Каэля заменитель всё равно разбудит связанную соль, однако Иво рассчитывал выиграть несколько часов. После ночи с отделившейся тенью это звучало почти щедро.

— Чисто, — ответила я. — Насколько это вообще возможно для смеси, которой можно травить сорняки.

Иво закупорил флакон и подвинул ко мне блюдо с тёмно-синим воском.

— Ваша печать.

— Гильдейскую у меня отобрали.

— Мне не нужна печать Гильдии. Она уже украсила достаточно безопасных партий.

Я достала из футляра маленький латунный перстень, который носила среди игл. Отец заказал его, когда я получила лицензию: переплетённые «М» и «В», виноградная ветка по краю и крошечная вмятина над первой буквой — след падения на каменный пол. Личный знак не заверял гильдейские заключения, зато годился напоминать трактирщикам, что дегустатор тоже умеет требовать оплату. Я вдавила металл в горячий воск. Оттиск вышел чётким.

— Теперь моя, — сказал Иво и поставил рядом красную печать. — Последней будет печать Оделии, когда флакон принесут Каэлю. До вечера он останется в малом лечебном шкафу. Ключ только у меня.

— У Оделии есть ключ от всего.

— От моего шкафа нет.

За дверью звякнула связка.

— Уже есть, — сообщила домоправительница, входя с подносом. — Я нашла запасной в старой описи. Доктор Терн, вы снова записали его как ключ от шкафа с бельём.

Иво посмотрел на неё с оскорблённым достоинством человека, чьи ошибки следовало считать системой. Господина Саара я видела лишь издали: сухой седоусый управляющий появлялся там, где требовались счёта, слуги или исчезновение неприятности, и разговаривал даже с дверями официально, будто ждал письменного ответа. Сегодня он принёс книги Красного дома, поклонился и ушёл, не задав ни одного вопроса о Сабелле.

Оделия опустила печать в зелёный воск и проверила все три отпечатка ногтем. Иво завернул флакон, убрал в металлический ящик и запер; ключ повесил на цепочку под рубашку, запасной Оделия оставила у себя. Выглядело разумно, а значит, дыру в этой системе мы наверняка заметим после беды.

— Каэль где? — спросила я.

— В кабинете, — ответила Оделия. — Приказал поднять сведения по всем донорам под номером восемьдесят два за последние два года.

— В Красном доме нумерация начинается заново для каждой партии, — сказал Иво. — Таких доноров будет не меньше тридцати.

— Значит, не спит и раздражает тридцать архивариусов вместо одного врача. Улучшение налицо.

Оделия поставила передо мной мясо, хлеб и тушёную репу, решив кормить там, где я не спрячусь за работой. Мясо было солёным, с розмарином; репа отдавала мёдом. Всё имело вкус. Я не стала искать в памяти похожий ужин и почти поблагодарила собственную трусость.

— Госпожа Восс, — сказала Оделия, когда Иво отошёл к шкафам. — Вы утром спрашивали о человеке за занавесью. В книгах дома его не будет.

— Почему?

— В Красном доме врачи носят белые маски и записываются по дежурному имени. Так обещают донорам беспристрастность.

— И удобное отсутствие виноватых.

— У каждого благородного обычая есть практическая сторона.

Она произнесла это сухо, но большой палец несколько раз прошёлся по краю ключа. Я вспомнила, как Оделия побелела при имени Сабеллы. Не удивилась, не переспросила — словно услышала подтверждение давно знакомого страха.

— Вы бывали там? — спросила я.

— Многие бывали.

— Это не ответ.

— Другого сегодня не будет.

Оделия вышла, оставив после себя звон металла. Я могла припереть её вопросами у лестницы, однако в этом доме люди молчали не только из верности Каэлю. Под молчанием часто лежало что-то живое и болезненное; если надавить не туда, оно не заговорит, только укусит.

Иво вернулся к столу и заметил, куда я смотрю.

— Не начинайте расследовать домоправительницу до ужина.

— Почему именно до ужина?

— После у неё появляется хотя бы четверть часа, чтобы вас ненавидеть. Сейчас она занята.

— Вы знаете, что связывает её с Красным домом?

Доктор поправил очки и принялся протирать совершенно чистую иглу.

— Знаю, что Оделия не раз оставалась рядом, когда разумнее было уйти. Остальное расскажет сама либо не расскажет вовсе.

— У вас удивительный талант отвечать так, чтобы вопрос становился подозрительнее.

— Это врачебное. Мы говорим «возможна слабость», когда человек не встанет, и «неприятные ощущения», когда он будет орать. Сегодня меня тревожат не тайны Оделии. Каэль не ел с утра, заместитель удерживает всё меньше времени, а после солнечного камня у него дрожали руки. Если откажется от вечерней порции, я волью её через трубку.

— Он позволит?

— Нет. Поэтому вы отвлечёте его разговором, а Оделия сядет ему на ноги.

— Наконец медицинский план, которому я верю.

До сумерек донор восемьдесят два оказался то сыном ткача, то пожилой прачкой, то женщиной, чьё имя закрыл Совет. Дата флакона совпадала с тремя партиями: у одной не сохранилось списка, вторую уничтожило затопление, третья значилась лечебной и не содержала сведений о крови. Сабелла любила порядок: след лежал в документах, слишком аккуратно объяснявших собственное отсутствие.

К семи часам буквы начали двоиться. Иво ушёл проверить Каэля, я понесла листы в малую столовую, где собирались провести вечернее кормление. Само слово в доме не употребляли: Оделия говорила «приём», Иво — «порция», Каэль обычно молчал. Особенно много приличных названий люди изобретают для того, чего боятся.

Малая столовая была холодной и слишком нарядной для трёх человек. Зеркало над камином закрывала ткань. Дверь в коридор оставили распахнутой; у второй, ведущей в зимний сад, Оделия отодвинула засов и проверила створку. Я отметила оба выхода. После утренних правил это не казалось трусостью.

Каэль стоял у камина. На нём был тот же чёрный сюртук, но неверно застёгнутую перчатку он снял, и пальцы лежали на каминной полке обнажёнными. Ногти снова потемнели. Пока оставались короткими.

— Вы нашли донора? — спросил он.

— Нашла тридцать одного. Красный дом очень заботится об анонимности, особенно когда требуется спрятать человека среди тёзок, номеров и затоплений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.